

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Сборник материалов онлайн-конференции

Чебоксары 2017

УДК 398.3[(=512.111)+(=512.122)](063)
ББК Т521(=635.1)-73я43+Т521(=632.4)-73я43
Т65

Рецензенты: **Щанкина Любовь Николаевна**, д-р ист. наук, профессор
АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический
университет»
Егоров Дмитрий Владимирович, канд. ист. наук БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных
наук»

Ответственный

редактор: д-р ист. наук, профессор О.В. Егорова

Дизайн

обложки: **Фирсова Надежда Васильевна**, дизайнер

Т65 Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв. : материалы онлайн-конф. (Чебоксары, 14 март 2017 г.) / редкол.: О.В. Егорова. – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – 64 с.

ISBN 978-5-9500853-8-3

В сборнике представлены материалы онлайн-конференции «Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.». Предназначен для этнографов, историков, краеведов, студентов гуманитарных дисциплин, а также широкого круга читателей Российской Федерации и Казахстана. Сборник размещен в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

ISBN 978-5-9500853-8-3 УДК 398.3[(=512.111)+(=512.122)](063)
ББК Т521(=635.1)-73я43+Т521(=632.4)-73я43
© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2017
© Издательский дом «Среда», 2017

Предисловие

Мы с вами живем в век глобализации и стремительного развития информационных технологий. Данные процессы влияют на нашу повседневность, образ жизни, мировоззрение и соответственно трансформируют традиции народов, складывавшиеся в течение многих столетий. Учёные всех стран проводят множество исследований, направленных на выявление характера происходящих изменений и прогнозирование будущего. Однако данная тема актуальна до настоящего времени, особенно для национальных республик России и государств СНГ.

Вопросы трансформации этнокультурных традиций в современном мире являются одними из самых актуальных на сегодняшний день в связи с тем, что имеют важное общественно-политическое значение. Процессами глобализации вызваны изменения в государственном устройстве, общественно-политической, экономической жизни европейских государств и деятельности Европейского союза. Наблюдаем ярко выраженную тенденцию интеграции восточно-европейских и азиатских государств. Информационные технологии позволяют нам быстрее включаться в общемировые процессы, более эффективно контактировать с представителями разных стран и народов, получать больший объём информации об их культуре, социальных, экономических процессах и т. д. Несмотря на очевидные плюсы, глобализация имеет и негативные последствия в виде утери народами национальных традиций, появления радикальных националистических и экстремистских организаций, потери государствами национального суверенитета.

Онлайн-конференция «Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.» была организована с целью рассмотрения особенностей влияния процессов глобализации и развития информационных технологий на традиционные культуры различных народов. Проведение конференции в рамках гранта РФФИ № 17-11-21009 а(р) и использование современных коммуникационных интернет-технологий сделало возможным участие в ней учёных не только из регионов Российской Федерации, но и из Казахстана.

В сборник включены статьи, в которых описываются изменения, происходившие в начале XX – начале XXI веков в различных элементах традиционных культур чувашей, мордвы, казахов и других народов. Он будет полезен этнографам, историкам, краеведам, студентам гуманитарных дисциплин, а также широкому кругу читателей.

Настоящий сборник поможет вам вместе с авторами статей включиться в поиск ответов на вопросы «Как повлияли процессы глобализации и информационные технологии на элементы культуры народов и их диаспор?» и «Каким образом можно их использовать для сохранения и укрепления национальных традиций?».

Перечень литературы, представленный в конце каждой статьи, будет полезен тем, кто желает более подробно изучить темы, рассмотренные участниками конференции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Калыш А.Б.</i> К проблеме детей-сирот в Республике Казахстан. 6	
<i>Алексеева Н.Ю.</i> Динамика численности и расселения мордвы Чувашской Республики.....	9
<i>Вязова О.Г.</i> Изменение культуры потребительских потребностей сельских жителей Чувашии во второй половине XX в.	16
<i>Егорова О.В.</i> Роль информационно-коммуникационных технологий в поддержании и развитии контактов между чувашами Казахстана и Чувашии	22
<i>Калишабаева Б.К.</i> Исторические и этнодемографические аспекты казахской диаспоры Средней Азии.....	26
<i>Картаева Т.Е.</i> Региональные особенности свадебного беташара у казахов	29
<i>Петров Н.А., Семенова Т.В.</i> Роль национального праздника «Акатуй» в сохранении этнокультурных традиций в условиях глобализации.....	32
<i>Сойкина Н.Ю.</i> Экомузей как способ сохранения природной и культурной среды.....	39
<i>Кодыбайкин С.Н.</i> Развитие промыслов чувашской деревни в условиях трансформации этнокультурных традиций на рубеже XX–XXI вв.	41
<i>Дмитриева И.В.</i> К вопросу о трансформации института отцовства в современной чувашской семье.....	48
<i>Васильев В.А.</i> Общественная Палата Союзного государства как эффективный инструмент единения народов в условиях глобализации и информационных технологий.....	54
<i>Федулов М.И.</i> Трансформация традиционного погребального обряда чувашей в советский и постсоветский периоды	58
<i>Шалгинбаева С.Х.</i> Свадебная обрядность городских казахов в 90-х XX в.	61

Калыш Аманжол Боранбайұлы
д-р. ист. наук, профессор
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

A. Kalysh
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty

К ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: в статье рассматриваются биологические и социальные факторы сиротства в Республике Казахстан, включая количественные и качественные показатели данной проблемы.

Ключевые слова: сироты, беспризорные дети, внебрачные дети, брошенные дети, разводы.

TO A PROBLEM OF ORPHAN CHILDREN IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: in article biological and social factors of an orphanhood in the Republic of Kazakhstan, including quantitative and quality indicators of this problem are considered.

Keywords: orphans, street children, illegitimate children, abandoned children, stains.

В мирное время мы имеем тысячи сирот – наши детские дома и приюты переполнены. Это, к сожалению, общемировая тенденция и вызов глобализации. Но мы должны противодействовать этой тенденции. Наше государство и общество должны поощрять усыновление сирот и строительство детских домов семейного типа. Дети – наиболее уязвимая и самая незащищенная часть нашего общества, и они не должны быть бесправными. Как Лидер Нации, я буду требовать защиты прав каждого ребёнка. Любой ребенок, который родился на нашей земле, – казахстанец. И государство должно заботиться о нем.

Н.А. Назарбаев, Президент Республики Казахстан

Рассматриваемая нами проблема сиротства универсальна, присутствуя всем народам и странам как в прошлом, так и в настоящее время и всегда требовала своего безотлагательного решения. Известно, что сиротство имеет объективные и социальные факторы – биологические и социальные, которые во многом, обусловлены следующими причинами: 1) демографическими – заболеваниями или

смертностью родителей; 2) внебрачной рождаемостью, как невозможностью содержать ребёнка, так и этически-нормативными традициями, осуждающими такие отклонения от общепринятых норм поведения; 3) социально-психологическими, приводящими к отказу от ребёнка или к физическому насилию в отношении супруги/а и несовершеннолетних детей; 4) невыполнением возложенных родительских обязанностей; 5) экономическими, связанными с крайней бедностью или безработицей; 6) недостаточностью приёмных родителей, берущих на воспитание как нормальных, так и больных или девиантных детей; 7) изъятием органами опеки детей из неблагополучных семей [1, с. 5; 2, с. 6; 3, с. 7–8]. Сюда же следует отнести наличие ужасающей статистики, согласно которой в Казахстане каждого третьего приемного ребёнка отдают обратно в детский дом и т. д.

По данным Комитета по охране прав детей Министерства образования и науки Республики Казахстан к началу 2015 г. в республике насчитывалось 32362 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При этом они были распределены следующим образом: а) в семьях казахстанских граждан под опекой и попечительством содержались 21350 детей; б) на патронатном воспитании – 1820; в) в 188 детских домах – 9192. Среди детей, находящихся в детских домах 1797 (19,6%) составляют дети в возрасте до 6 лет, соответственно 7395 (80,4%) – в возрасте от 7 до 18 лет. Следует отметить, что в Казахстане с января 2017 г. введена четвертая форма семейного устройства – «приемная семья».

Указанные выше 188 детских интернатных учреждений состоят из 58 детских домов и школ-интернатов, 25 домов ребёнка, 18 детских домов-интернатов для умственно отсталых детей, 13 приютов, 28 домов юношества, 29 детских домов и деревень семейного типа и 17 частных детских домов систем образования, здравоохранения и социального развития [4, с. 6].

В целях материальной поддержки граждан, принявших на воспитание в семью ребёнка-сироту и в соответствии с действующим законодательством республики патронатным воспитателям на 1947 детей ежемесячно выплачиваются денежные средства на содержание детей-сирот в размере десяти МРП (месячный расчетный показатель), что составляет 17 310 тыс. тенге, и заработная плата от 32 тыс. 500 тенге до 60 тыс. тенге (в зависимости от стажа работы, квалификационной категории). С 2011 г. опекунам и попечителям выплачивается пособие в размере 10 МРП на содержание ребёнка-сироты. В настоящее время пособие выплачивается на 19775 детей (в 2012 году – 19527 детей), находящихся под опекой и попечительством [5, с. 51].

Имеются и хорошие наработки. Так, в ноябре 2016 г. в прошедшем в Астане на II ежегодном форуме приёмных родителей и наставников «Замещающая семья как институт социализации детей, оставшихся без попечения родителей», организованного общественным

движением «Ребенок должен жить в семье», благотворительным фондом «Дара», управлением образования Астаны, сообществом приёмных родителей Казахстана, комитетом по охране прав детей Министерства образования и науки РК и благотворительным фондом Reach было подчеркнуто, что если наставник уделяет ребенку из неблагополучного окружения несколько часов в месяц в течение года, то: 1) улучшается эмоциональное состояние – 84%; 2) появляется больше уверенности в себе – 79%; 3) ребенок становится более общительным – 74%; 4) ребенок становится более инициативным – 58% [6].

Вместе с тем, вызывают проблемы, вызванные несовершенством законодательно-нормативной базы в отношении изучаемой нами темы. Во-первых, при отъеме детей из родительской семьи представители органов опеки нередко допускают поспешность и субъективность, стремясь наказать нерадивых родителей. С другой стороны, лишая семейного окружения, преследуют свои корпоративные интересы, направленные на пополнение контингента специализированных интернатных учреждений, чтобы впоследствии получать достаточную государственную дотацию на их содержание. Во-вторых, имеются определенные недоработки в регулировании постинтернатного сопровождения воспитанников стационарных учреждений. В-третьих, наличие межведомственной разобщенности в решении вопросов беспризорных детей. В-четвертых, слабая эффективность системы профилактики и оказания необходимой помощи семьям из группы риска. В-пятых, в устройстве на работу и в приобретении доступного или арендного жилья бывшим воспитанникам детских учреждений. В-шестых, наблюдающиеся трудности в физическом, умственном и психическом развитии сирот, которым также не хватает самостоятельности, элементарных бытовых навыков, а ещё – уверенности в собственных силах и мотивации жить самостоятельно по сравнению со своими сверстниками, проживающими со своими кровными родителями [1, с. 5, 7, 15–16]. В-седьмых, имеющиеся недостатки не только в материально-технической базе рассматриваемых учреждений, но и в отношении обслуживающего их персонала: высшего, среднего и рядового. В-восьмых, в не до конца отработанных формах устройства беспризорных детей или оставшихся без попечения родителей в приёмных семьях. В-девятых, вызывают вопросы международного усыновления, тогда как в самой республике множество бездетных супружеских пар не могут годами реализовать свои права взять ребёнка из дома малюток и т. д. Например, только 6421 сирот из Казахстана обрели приёмных родителей в США с 1999 по 2011 год [8].

Естественно, указанные проблемы в социализации сирот накладывают определенные трудности в их полнокровной адаптации в обществе и в системе их будущей полнокровной жизнедеятельности. Имеющаяся форма интернатного жизнеустройства сирот нуждается в структурно-функциональной трансформации. Это же относится к

устройству сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в приёмных семьях, включая необходимость разработки отечественной концепции деинституционализации сиротства, опираясь на международный опыт государственного воздействия на функционирование института сиротства. Во многом отечественная система государственной опеки детей-сирот все ещё работает по устаревшему принципу: держать их до совершеннолетия, удлиняя предельные сроки пребывания в интернатных учреждениях, не уделяя должного внимания на реальную подготовку детей к самостоятельной жизни в условиях переходных рыночных отношений.

Список литературы

1. Бессчетнова О.В. Проблема сиротства в современном российском обществе: институциональные аспекты: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – СПб., 2014. – 54 с.
2. Васильев А.В. Социальное сиротство как явление современного российского общества (на материалах социологических исследований в республике Башкортостан): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 2007. – 28 с.
3. Дементьева И.Ф. Социальное сиротство: генезис и профилактика. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. – 236 с.
4. Состояние и проблемы семейного устройства в Казахстане: опыт приёмных и гостевых семей: методическое пособие. – Алматы, 2015. – 152 с.
5. Доклад о положении детей в Республике Казахстан. – Астана: МОН РК, 2013. – 87 с.
6. Устиненко Д. Я держу тебя за руку // Литер. – 2016. – 7 ноября.
7. Крамчанинова Н.В. Социальное сиротство в современном российском обществе: факторы распространения, риски, пути сокращения масштабов. – М.: Центр. изд-во учеб.-метод. и науч. лит.-ры, 2013. – 161 с.
8. За 10 лет американцы усыновили более шести тысяч детей из Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/ban-on-adoption/24824337.html> (дата обращения: 15.01.2013).

Алексеева Наталья Юрьевна

аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
Университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

N.Y. Alexeeva

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЯ МОРДВЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: в статье представлена динамика изменения численности мордвы в Чувашской Республике, изучены причины сокращения численности мордовской диаспоры.

Ключевые слова: мордва, расселение, численность, ассимиляция, дисперсность.

THE DYNAMICS OF THE POPULATION AND RESETTLEMENT OF THE MORDVA, CHUVASH REPUBLIC

Abstract: the article presents the dynamics of the number of Mordva in Chuvash Republic, examined the causes of downsizing of the mordovian diaspora.

Keywords: mordovians, resettlement, populations, assimilation, dispersion.

Мордва – один из финно-угорских народов многонациональной России. В пределах Мордовии эрзя расселены главным образом в восточных районах республики, мокша – в западных и южных районах. Существенная её доля проживает за пределами этнической территории. Значительные группы мокши живут в Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской и других областях, а также в Башкирии, Татарстане и Чувашии. Расселение мордовского этноса наиболее точно можно проследить по переписям населения. Численность мордвы в России, по данным последних переписей населения, уменьшилась. Если в 1989 г. она составляла 1072,9 тыс. чел., то в 2002 г. – 844,5 тыс., в 2010 г. – 744,2 тыс. В Республике Мордовия эрзя и мокша проживают в количестве 386,9 тыс. чел., что составляет 46,3% населения (2010).

Вопросы демографического развития этнической группы мордвы Чувашской Республики XIX–XXI вв. до последнего времени не находили широкого освещения в региональной этнографической науке. В этой связи перед нами стоит задача освещения проблем расселения и динамики численности мордвы на территории Чувашской Республики.

Чувашская Республика расположена в самом центре Российской Федерации, в среднем течении великой реки Волги. Здесь вместе с чувашами, составляющими 67,8% её населения (906,9 тыс. чел.), живут и трудятся представители многих народов: 357,1 тыс. русских (26,0% населения), 35,7 тыс. татар (2,9%), 18,7 тыс. мордвы (1,6%), 7,3 тыс. украинцев (0,5%), 3,8 тыс. марийцев и ещё более 9 тыс. национальностей [4, с. 44].

Формирование мордовской нации происходило в том числе и на территории Чувашского Присурья. В Ядринском районе расположен Ивановский древнемордовский могильник V–VIII вв. [12]. В период ранней фиксации статистических сведений о народонаселении края – в начале XVII в. – здесь жило в 7,5 раз меньше людей, чем сегодня [2, с. 135]. По приблизительным подсчетам, на территории современной Чувашской Республики в 1630-е гг. проживало около 175 тыс., в 1680-е годы – около 200 тыс. чел., из них чувашаи

составляли 80–81%, русские – 16–17%, татары – 1,5–2,0%, мордва – 1,0% [3, с. 97].

Христианизация мордвы исторически очень сильно сказалась на этнодемографических процессах, ускорив обрусевание мордовского населения практически во всех регионах их проживания. Этому, в свою очередь, благоприятствовал крайне дисперсный характер расселения мордвы. Насильственными методами проводилась христианизация мордвы-эрзя в конце XVII – начале XVIII вв. и на территории Чувашии [4, с. 57].

В конце XVIII в. в пределах современной Чувашии проживало почти 300 тыс. человек. Численность некоторых местных народов вероятно уменьшена. Это возможно по тому, что сами документы регистрировали населенные пункты по преобладающей нации [7, с. 45]. В конце XVIII в., на территории Чувашии по-прежнему насчитывалось 1,0% мордвы [10, с. 112].

Таблица 1

Национальный состав населения Чувашии по V ревизии (1796 г.)

Уезды	Всего населения обо-его пола	Чуваши	Русские	Татары	Мордва
Козьмодемьян-ский	27418	27323	95	–	–
Тетюшский	11222	10993	21	208	–
Цивильский	59641	54347	4454	840	–
Чебоксарский	51230	41664	8580	986	–
Ядринский	62269	59838	2431	–	–
<i>Всего по уездам Казанской губ.</i>	211780	194165	15581	2034	
Алатырский	14338	–	13844	–	494
Буинский	23444	23325	827	3435	757
Курмышский	32283	13434	17399	–	1450
<i>Всего по уездам Симбирской губ.</i>	74965	36759	32070	3435	2701
<i>Всего по Чува-шии</i>	286745	230924	4765	5469	2701
<i>Всего в %</i>	100,0	80,5	16,6	1,9	1,0
<i>С учетом город-ского населения, принимая его за русское</i>	286331	230924	57237	5469	2701
<i>Всего в %</i>	100,0	78,0	19,3	1,8	0,9

Из таблицы видим, что в основном мордва проживала в Симбирской губернии в Алатырском, Буинском, Курмышском уездах. По данным V ревизии их насчитывалось 2701 человек [10, с. 146; см. табл. 1]. Далее мы наблюдаем увеличение численности мордвы на территории Чувашии. По данным национального состава Чувашии по X ревизии (1859 г.) мордвы было 5562 человек, что составляет 1,3%. Подавляющее число также проживало в Симбирской губернии.

За период между V и X ревизиями произошли небольшие структурные изменения в национальном составе населения Чувашии (см. табл. 2).

Таблица 2

Структурные изменения в национальном составе населения Чувашии между V и X ревизиями

<i>Национальности</i>	<i>Категории населения</i>	<i>Удельный вес по V ревизии</i>	<i>Удельный вес по X ревизии</i>
<i>Чуваши</i>	Сельское	80,5	80,6
	Все население	78,0	77,3
<i>Русские</i>	Сельское	16,6	15,3
	Все население	19,3	18,8
<i>Татары</i>	Сельское	1,9	2,8
	Все население	1,8	2,7
<i>Мордва</i>	Сельское	1,0	1,3
	Все население	0,9	1,2

Данные переписи 1897 г. обнаруживают дальнейшее увеличение мордвы на территории Чувашии, что в немалой степени было обусловлено миграциями коренного населения Мордовии за пределы своей республики. При общем сокращении мордвы в пределах Мордовии её численность существенно возросла в других регионах [1, с. 57].

В 1920 г., когда была образована Чувашская автономная область, численность мордвы составила всего 3770 чел. Это были в основном жители нескольких небольших мордовских селений на территории нынешних Ибресинского, Батыревского и Шемуршинского районов. В 1925 г., при преобразовании ЧАО в республику, в её состав была включена часть Ульяновской губернии – Алатырский уезд с тремя волостями (Алатырской, Кувакинской, Порецкой) и г. Алатырь, т.е. территории с исключительно русским, а также мордовским населением. Согласно данным переписи 1926 г., численность мордвы в Чувашии достигла тогда самого наивысшего показателя за всю обозримую историю – 23415 чел., составив 2,7% её населения [9, с. 236].

Однако в последующие советские десятилетия численность и удельный вес мордовского населения Чувашии неуклонно снижалась. Так, если все население республики за 1926–1989 гг. увеличилось на 57,5%, в т.ч. аналогичные показатели у чувашей составили 36,8%, русских – 54,7%, татар – 60%, то численность мордвы за указанный период, наоборот, уменьшилась на 20%. По нашему мнению, последствия урбанизации самым непосредственным образом сказывались на численности мордвы. Среди таких последствий можно указать отрыв от традиционной системы жизнеобеспечения и жизненного уклада этноса, смешанные браки, более активные межэтнические контакты и языковую ассимиляцию.

Этнический состав населения республики в советское время не претерпел особых изменений по сравнению с предыдущими столетиями: соотношение удельного веса основных национальностей – чувашей, русских, татар, мордвы – в составе населения Чувашии оставалось стабильным. В довоенное время население Чувашии было преимущественно сельским. Доля селян среди чувашей в 1926 г. достигала более 78%. Татары и мордва так же почти все (99%) проживали в сельской местности. В основном мордва проживала в Алатырском и Порецком районах (36,4%) [5, с. 99]. Перепись 1959 г. показала 23,9% мордвы; 1979 г. – 20,3%.

Таблица 3
Динамика численности мордовского населения в Чувашии

№	Годы	Численность
1.	1920	3770
2.	1926	23415
3.	1939	22512
4.	1959	23863
5.	1970	21000
6.	1979	20300
7.	1989	18686
8.	2002	15993
9.	2010	13014

По состоянию на 1959 г., 85% сельских населенных пунктов республики были чувашские, 10% – русские, остальные 5% составляли мордовские и татарские селения. Таким образом, после переписи населения 1959 г. мы видим плавное снижение числа мордовского населения.

По прошествии тридцати лет (1989 г.) доля сельских населенных пунктов с численно преобладающим чувашским населением заметно увеличилась и достигла 90,2%, в то время как поселения с численно преобладающим русским населением составили 6,1%, татарским – 1,5%, мордовским – 1,2%. В Чувашской Республике

численность мордвы в 1970 г. составила 21 тыс. чел., 1979 г. – 20,3, 1989 г., в 2002 г. – 16,0, 2010 г. – 13,3 тыс. чел. [5, с. 101].

В целом, вторая половина XX в. характеризуется уменьшением численности мордовского народа на территории Чувашской Республики, что было связано с ассимиляцией, снижением социально-экономического уровня России в 1990-е гг., а также с естественной убылью населения, увеличением миграционных потоков и усилением урбанизации. Все это стимулировало чрезвычайную дисперсность мордвы, рост межэтнических контактов и соответственно её этническую ассимиляцию.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Чувашии проживали представители 97 национальностей и 9 этнических групп. С 1989 по 2002 гг. численность мордвы снизилось до 2693 человека [6, с. 238; Табл. 4.].

В ходе переписей населения 2002 и 2010 гг. имело место фиксация конкретной этногрупповой самоидентификации мордовского населения. Так, обобщенно «мордвой» себя назвало почти все мордовское население Чувашии: в 2002 г. – 15993 чел., в 2010 г. – 13014 чел. (т.е. 98,1%), «мордвой-эрзя» – соответственно 376 и 249 чел., «мордвой-мокшей» – 14 и 4 чел.

В настоящее время в городах Чувашии проживают всего 6510 чел. мордовской национальности, т.е. почти половина её численности. К 2010 г. мордвы, проживающей в городе, стало меньше на 30,9%. Основная часть городской мордвы проживает в Алатыре (3057 чел., т.е. 47% всего числа мордвы-горожан республики), Чебоксарах (1630 чел., т.е. соответственно 25%), Шумерле (838 чел.), Новочебоксарске (737 чел.) и Канаше (137 чел.). При этом следует отметить, что в период после переписи 1989 г. снижение численности мордовского городского населения наиболее ощутимо произошло во всех городах республики: в Канаше на 55%, Шумерле – 46%, Чебоксарах – 23,2%, Алатыре – 19,5%, Новочебоксарске – 21,6%. Существенное сокращение произошло в «мордовских» поселках городского типа, как Ибреси и Буинск [5, с. 105].

В сельской местности насчитывается 6757 чел. мордовской национальности, в том числе 202 чел. идентифицировали себя как «эрзя». По сравнению с 1989 г., численность сельской мордвы уменьшилась на 27%. По данным на 2010 г., сельская мордва в своей основной массе (96,3%) проживает в четырех районах – в Поречском (3177 чел.), Алатырском (2301 чел.), Ибресинском (607 чел.) и Шемуршинском (284 чел.). Менее значительно представлена мордва в Батыревском (95 чел.) и Шумерлинском (43 чел.) районах.

По итогам переписи – 2010 г., более 1,251 млн опрошенных жителей Чувашии отнесли себя к представителям 115 национальностей. В целом в республике насчитываются четыре наиболее многочисленных национальные группы (т. е. народностей, число которых превышает 5 тыс. человек). Первую строчку традиционно занимают чуваша: численность титульной нации в республике составляет

814,8 тыс. чел. (или 67,7% общей численности населения региона). За ними следуют русские – 323,3 тыс. человека (26,9%), татары – 34,2 тыс. (2,8%) и мордва – 13 тыс. (1,1%) [11, с. 36; табл. 3]. Изменения в национальном составе населения обусловлены действием трех факторов. Первый связан «с различиями в естественном воспроизводстве» групп населения. Второй – с процессами «смены этнического самосознания под влиянием смешанных браков» и других факторов. Третий фактор – внешняя миграция.

Список литературы

1. Абрамова О.В. Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. – №1. – С. 56–61.
2. Дмитриев В.Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII веков // Вопросы истории Чувашии. – Чебоксары, 1965. – Вып. 29. – С. 130–143.
3. Дмитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – начало XIX веков // Учёные записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1967. – Вып. 31. – С. 92–104.
4. Иванов В.П. Этническая карта Чувашии. – Чебоксары: Руссика, 1997. – 198 с.
5. Иванов В.П. Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 342 с.
6. Национальный состав населения Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Чувашстат. – Чебоксары, 2005. – 564 с.
7. Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. – Чебоксары, 1981. – 167 с.
8. Национальный состав Чувашии: итоги переписи – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1600066.html> (дата обращения: 24.09.2017).
9. Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период. – Чебоксары: ЧНИИ, 1963. – 432 с.
10. Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII – первой половине XIX вв. – Чебоксары, 1983. – 267 с.
11. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2013: Стат. сб. Чувашстат. – Чебоксары, 2013. – 438 с.
12. Федулов М.И. Чувашское Присурье в X–XV веках (к постановке вопроса) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары, 2006. – №6. – С. 126–127.

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
Университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

O. Vyazova

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

***Аннотация** в статье рассматриваются основные направления трансформации потребительских потребностей сельских жителей Чувашии во второй половине XX в., выделяются факторы, влияющие на данный процесс.*

***Ключевые слова:** потребительская кооперация, товары первой необходимости, товары долгосрочного пользования и культурно-бытового назначения, структура торгового оборота.*

CHANGE OF CULTURE OF CONSUMER NEEDS OF VILLAGERS OF CHUVASHIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

***Abstract:** in article the main directions of transformation of consumer needs of villagers of Chuvashia for the second half of the 20th century are considered, the factors influencing this process are allocated.*

***Keywords:** consumer cooperation, essentials, goods of long-term use and cultural and community appointment, structure of a trade turnover.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Изучение развития сельского хозяйства, быта и культуры сельских жителей, крестьянского двора и других проблем, связанных с аграрной тематикой велось и ведётся достаточно активно учёными Чувашии [8], что вполне объяснимо, так как даже сегодня (на 1 января 2017 г.) сельские жители занимают 38,0% от общей численности населения республики [11]. Однако проблема трансформации культуры потребительских запросов сельских жителей в целом во второй половине XX в. специально не рассматривалась. В качестве хронологических рамок изучения поставленной проблемы

выбраны 1945–1980-е гг., что связано с завершением Великой Отечественной войны и советского периода в развитии нашей страны.

Основной торгующей организацией на селе и в послевоенные годы продолжала оставаться потребительская кооперация, чья деятельность в нашей стране, начиная с 1930-х гг. была сосредоточена на обслуживании сельских жителей. На основе архивных и опубликованных источников, характеризующих работу именно потребительской кооперации, мы и попытаемся проанализировать развитие потребительских потребностей сельских жителей Чувашии во второй половине XX века.

В годы Великой Отечественной войны значительно ухудшилось материальное благосостояние тружеников села, так как объёмы поставок сельскохозяйственных продуктов и платежей государству в годы войны возросли, а выдача продуктов на трудодни уменьшилась. Сокращение доходов селян приводит к изменению их потребительских запросов и потребностей, что очень хорошо видно по деятельности потребительской кооперации. В период войны снижается доля непродовольственных товаров в её торговом обороте. Так, в 1944 г. их доля составила 26% (в 1939 г. – 36%) [2]. По сравнению с довоенным временем многократно сократилась продажа тканей, кожаной обуви, швейных изделий, керосина, хозяйственного мыла и других товаров. В сельских магазинах в 1944 г. вообще не были реализованы фотоаппараты, музыкальные инструменты, туалетное мыло и парфюмерные принадлежности, радиотовары, патефоны и детали к ним, велосипеды и швейные машины. При этом эти товары находили своих покупателей пусть и в небольшом количестве в чувашской деревне в 1930-х гг. И если уменьшение продажи тканей, обуви, швейных изделий можно объяснить и тем, что фондовые поставки промтоваров системе потребительской кооперации в 1941 – 1945 гг. не удовлетворяли даже минимальную нужду в них, то отсутствие интереса у покупателей к парфюмерии, обозно-щепным и прочим непродовольственным товарам скорее всего было вызвано именно изменением потребительских запросов населения из-за военного времени. В отчёте о работе Чувашпотребсоюза за 1944 г. указывалось: «товарные остатки по системе составляют 30418 тыс. руб., из них на водочные изделия пришлось – 8969 тыс. руб., соль – 3783 тыс. руб., обозно-щепные товары – 3027 тыс. руб., прочие непродовольственные товары – 5499 тыс. руб., парфюмерию – 1435 тыс. руб. Запасы указанных товаров превысили нормы и составили: по обозно-щепным товарам 192 дня, прочим непродовольственным товарам – 185 дней, парфюмерии – 148 дней» [2].

Одной из важнейших задач, стоявшей перед кооператорами Чувашии в послевоенные годы, стала задача восстановления торговой сети, значительно сократившейся за период Великой

Отечественной войны. Открытие закрывшихся торговых заведений облегчило бы селянам, особенно удаленных от районных центров населенных пунктов, приобретение промышленных и продовольственных товаров. Особую актуальность данное направление в работе потребительской кооперации получило с отменой в 1947 г. карточной системы обеспечения населения. В 1949 г. потребительской кооперацией полностью была восстановлена довоенная торговая сеть. В сельской местности республики стали работать 1287 торговых заведений, из них 40 носили специализированный характер (культмаги – 9, магазины по торговле строительными материалами – 10, хлебные и продовольственные магазины – 21) [3].

Значительно больше стало реализовываться промышленных изделий, которые в 1950 г. заняли 52,5% в структуре торгового оборота. Значимым достижением для чувашской потребительской кооперации в послевоенные годы, как и для кооперации всей страны, явилось сокращение доли алкогольной продукции в её товарообороте. В 1946 г. водочные изделия занимали 60,4% в обороте потребительской кооперации Чувашской АССР, в 1950 г. их доля сократилась до 16,22% [4]. Это уменьшение в первую очередь было достигнуто за счёт расширения торговли промышленными и продовольственными товарами. К примеру, в 1949 г. по сравнению с 1948 г. реализация кондитерских изделий возросла на 102,5%, чая – 117%, рыбы и сельди на 131%, консервов на 136%, стройматериалов и леса – 180%, оконного стекла – 105% [5].

В последующие годы наблюдается постоянное увеличение продажи сельскому населению товаров потребительской кооперацией. В 1989 г. они составили 535 млн. руб., что в 4,6 раза было больше, чем в 1960 г. [12, с. 10]. Существенные изменения произошли в структуре продовольственного кооперативного товарооборота, который все больше приближался к структуре городского товарооборота. Среди продовольственных товаров рос спрос на высококалорийные продукты, так, с 1966 г. по 1970 г. продажа сахара увеличилась в 1,7 раза, кондитерских изделий в 1,8 раза, овощных и фруктовых консервов более чем в 3 раза, рыбы в 2,5 раза, мороженого в 10 раз [14, с. 174].

Сближение структуры сельского и городского товарооборотов можно объяснить тем, что в деревне из года в год увеличивалось количество специалистов с высшим и средним специальным образованием. Если в 1965 г. их число составляло 2559 чел., то в 1985 г. уже 10602 чел. [10, с. 77], также на селе больше становится работников образовательных, медицинских, культурных заведений. Молодежь, получая образование в городе, приобретая там различные товары, знакомясь с более разнообразным ассортиментом городских магазинов, формирует новые потребительские пристрастия.

В информации Статистического управления в Совет министров Чувашской АССР от 5 сентября 1977 г. о развитии торговли в сельской местности отмечалось: «Наряду с ростом товарооборота в сельской местности происходят качественные изменения в его структуре. Повышается спрос сельского населения на товары культурно-бытового назначения, на шелковые и шерстяные ткани, швейные и трикотажные изделия, кожаную обувь, современную мебель, ковры и ковровые изделия, если раньше товарооборот на селе возрастал за счёт товаров первой необходимости, то в последнее время – за счёт товаров культурно-бытового назначения, хозяйственного обихода и долгосрочного пользования» [14, с. 192]. На наш взгляд, подобные изменения были обусловлены и активным жилищным строительством, проводившимся в деревне в послевоенные годы, и ростом материального благосостояния сельских жителей.

Изменения в развитии жилищного строительства в Чувашии можно проследить благодаря комплексным исследованиям, проводившимся в республике в ходе экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг. Обследование 1970 г. показало, что за 1950–1969 гг. индивидуальный жилой фонд обновился на 73,7%, в том числе в 1960–1968 гг. на 42,5% [7, с. 57, 112–114]. Новые дома начинают обустраиваться по-новому: покупается современная мебель, ковры и различные ковровые изделия, фарфоровая и фаянсовая посуда, электротовары, стиральные машины, холодильники, различные радиотовары, магнитофоны, причем с 1966 г. по 1970 г. продажа стиральных машин возросла в 2,7 раза и составила 28,4 тыс. шт., холодильников – в 6 раз и составила более 8 тыс. шт. [14, с. 174]. В следующие годы спрос на данные товары продолжает сохраняться, так с 1979 г. по 1983 г. реализация холодильников в сельских магазинах увеличилась на 5,2%, магнитофонов на 60,3%. Интересно, что в эти же годы продажа ковров увеличилась в 2,1 раза и составила 6679 шт. [13, с. 18], возможно, именно тогда мода на ковры дошла и до деревни Чувашии.

К факторам, влияющим на развитие потребительских запросов сельских жителей, на наш взгляд, следует отнести и моменты, связанные с процессами глобализации, которые тесно связаны с развитием современных средств связи и транспорта. Так, существовавшая некоторая изолированность сельской местности, обусловленная отсутствием широкого транспортного сообщения, в послевоенные годы начинает активно ликвидироваться. Только с 1940 г. по 1950 г. почти вдвое увеличилась протяженность автобусных линий (с 208 до 399 км), в годы семилетки все города и поселки Чувашии были соединены автобусными линиями [1, с. 15]. В жизнь селян широко входят электричество, радио и телевидение. В 1961 г. вышла первая программа Чебоксарской студии ТВ. В дальнейшем

передачи стали вестись и на чувашском языке. Они стали выходить регулярно – по три-четыре часа шесть раз в неделю. В марте 1962 г., когда вошла в строй радиорелейная линия Москва–Свердловск с ответвлением на Цивильск–Чебоксары, жители республики получили возможность ежедневно смотреть и московские телепередачи [6]. Для расширения устойчивого приема телесигнала были установлены ретрансляторы в Чебоксарах, Ибресях, Алатыре, Канаше, Шумерле и Козловке [1, с. 248]. Расширение возможностей приема телепередач в районах Чувашии приводит к возрастанию интереса и у сельских жителей к приобретению телевизоров. Так, с 1966 г. по 1970 г. их продажа потребительской кооперацией возросла в 3,2 раза и составила 32,2 тыс. шт., что было даже больше, чем реализация радиоприемников и радиол, которых было продано 28,8 тыс. шт. [14, с. 174].

Постоянный рост доходов сельских жителей в 1945–1980-х гг. (среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в сельском хозяйстве возросла с 48,7 руб. в 1965 г. до 146,5 руб. в 1985 г. [10, с. 76]), способствует приобретению ими новых современных средств передвижения. К примеру, в 1978 г. на 100 семей колхозников приходилось уже 10 мотоциклов и мотороллеров, 44 мопедов и мотовелосипедов, в то время как на 100 семей рабочих и служащих только 20 мопедов, велосипедов и мотороллеров [9, с. 115].

В послевоенные годы в сферу потребительских интересов сельских жителей все активнее стала входить книжная продукция. Этому во многом способствовала и потребительская кооперация, так как с 1954 г. на нее была возложена реализация этой продукции на селе. Кооператоры использовали различные формы торговли: через сельские и специализированные книжные магазины, киоски, магазины и киоски на общественных началах, использовались внемагазинные формы торговли: в школах и сельских библиотеках (в 1968 г. книжную торговлю осуществляли 196 сельмагов, 56 специализированных магазинов, 3 киоска, 20 киосков и 1 магазин на общественных началах) [14, с. 164].

К концу рассматриваемого периода коренным образом изменилась и культура торговой деятельности на селе. В районных центрах работали универмаги, которые по своим торговым площадям не сильно уступали городским магазинам, в сельских районах действовали 427 непродовольственных магазинов, которые носили специализированный характер: 2 – одежды, 8 – обуви, 14 – культуртоваров, 70 – книжные, 130 – хозяйственных товаров, 10 – мебельных), 546 продовольственных магазинов, 848 магазинов «Товары повседневного спроса» [13, с. 25]. Как и в городских магазинах стал использоваться метод самообслуживания покупателей, продавцы заботились о культурном и рациональном размещении товаров.

Таким образом, во второй половине XX в. существенно изменяются потребительские потребности сельских жителей Чувашии, они все больше сближаются с потребительскими потребностями горожан, а по некоторым товарам интерес сельских жителей даже превалировал. К факторам, влияющим на развитие потребительских запросов сельских жителей, на наш взгляд, следует отнести не только повышение их материального благосостояния, образовательного уровня, происходившего на всем протяжении второй половины XX века, но и моменты, связанные с процессами глобализации.

Список литературы

1. Бойко И.И., Харитонова В.Г., Захаров А.Д. История Чувашии новейшего времени. Кн. II. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф.191. Оп.17 а. Д.1.Л.140 об.
3. ГИА ЧР. Ф. 191. Оп.15. Д. 296. Л. 3, 4.
4. ГИА ЧР. Ф. 191. Оп. 15. Д. 174. Л. 1, оп. 18. Д. 4. Л. 239.
5. ГИА ЧР. Ф. 191. Оп. 15. Д. 296. Л. 5.
6. Данилов А.А. Этапы становления чувашского телевидения // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-chuvashskogo-televideniya> (дата обращения: 11.04.2017).
7. Иванов Л.А. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (по материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары, 1986.
8. Михайлова С.Ю. Рабочая молодежь и село Чувашии: исторический опыт (1955–1985 гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрег. науч.-прак. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). – М., 2005. С. 321–326, Харитонова В.Г. Крестьянский двор Чувашии в XX веке: некоторые аспекты изучения // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 370–379, Григорьев А.В. Труд и повседневный быт сельских жителей в 1946–1965 гг. (на материалах Чувашской АССР). Диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Чебоксары, 2008. 280 с., Вязова О.Г. Участие потребительской кооперации в решении социальных проблем послевоенной чувашской деревни (1945–1950 гг.) // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: Всерос. науч.-прак. конф., посв. Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. Часть 2. С. 421–427 и др.
9. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы Десятой пятилетки (1976–1980 гг.). Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982.
10. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы Одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.). Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
11. О численности населения Чувашской Республики на 1 января 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/resources/6fbf15804eccf3ad9c20be9dd5046e95/2016+03+28_эксч_исл.pdf (дата обращения: 15.04.2017).
12. . Потребительская кооперация Чувашской АССР. – Чебоксары, 1990.
13. Потребительская кооперация Чувашской АССР в 1979–1983 годах. – Чебоксары: Чуваш. книжн. изд-во, 1984.
14. Потребительская кооперация Чувашии. Документы, материалы, воспоминания, фотографии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000.

Егорова Оксана Вениаминовна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

O.V. Egorova

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДДЕРЖАНИИ И РАЗВИТИИ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ЧУВАШАМИ КАЗАХСТАНА И ЧУВАШИИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления трансформации информационно-коммуникационных потребностей сельских жителей Чувашии во второй половине XX в., выделяются факторы, влияющие на данный процесс.

Ключевые слова: глобализация, коммуникация, интернет-технологии.

THE ROLE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN MAINTAINING AND DEVELOPMENT OF CONTACTS BETWEEN KAZAKHSTAN AND CHUVASHIA CHUVASH REPUBLIC

Abstract: The article discusses the main directions of transformation of information and communication needs of rural residents of the Chuvash Republic in the second half of XX century, highlights the factors affecting this process.

Keywords: globalization, communication, Internet technology

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р)

Роли и влиянию глобализации посвящено огромное количество публикаций, её обсуждение стало предметом многих конференций и встреч. Формирование современного культурно-информационного пространства, как важнейшего фактора всеобщей глобализации, и воздействие его на цивилизационное развитие человечества, привлекает внимание историков, культурологов, философов, социологов, политологов и других учёных.

Глобализация имеет множество плюсов: конкуренция между странами и компаниями, научно-технический прогресс, мировая торговля, развитие экономики стран, решение общемировых

проблем (экологических и иных). В ходе глобализации может произойти популяризация отдельных национальных культур по всему миру (Китай, Америка и др.). Однако есть минусы. Вследствие глобализации государства теряют национальный суверенитет, происходит миграция в масштабах всей планеты, сближение и слияние культур разных стран, проникновение в национальную культуру традиций мигрантов. Как правило, те группы или страны, которые стоят во главе этого процесса, влияют на него, выигрывают и становятся сильнее, остальные станут ещё более отсталыми. Многие это расценивают как утрату национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры. Появляются общественно-политические движения националистов, антиглобалистов.

В последнее десятилетие процесс глобализации, а точнее стратегии использования данного процесса для продвижения интересов отдельных держав (США) или групп стран (Европейский Союз) испытывают определенные трудности. Сочетание экономических проблем и угроза утери суверенитета, национальных традиций, перенасыщение отдельных государств мигрантами иной национальности и вероисповедания, чем коренное население, привели к сильным общественно-политическим протестам внутри стран. Это мы наблюдаем сегодня в Европе и Америке.

Даже сильно развившиеся в последние десятилетия транснациональные кампании начали адаптироваться к этим условиям и начали учитывать местные обычаи и очень часто Макдональдс включает в меню множество самых разных местных блюд. А как ведут себя государства в условиях глобализации?

Есть примеры активного использования отдельными государствами – этническими родинами, процесса глобализации. Китай активно использует свои диаспоры во всех странах для продвижения своей национальной культуры и развития своей экономики. Известна так называемая ресторанный стратегия, когда через открытие во многих точках мира ресторанов национальной кухни, пропагандировалась национальная культура.

Русская диаспора до последнего времени не лоббировала национальные интересы. В последнее десятилетие это направление развивается. Созданы международные общественные организации, объединяющие соотечественников, например Россотрудничество. Мы также наблюдаем стремление Правительства Чувашии и Чувашского национального конгресса выстраивать культурные и экономические связи с диаспорами зарубежных стран. На примере взаимодействия чувашей Казахстана и Чувашии попробуем понять, как происходит коммуникация в условиях глобализации.

Мы прекрасно видим, какую огромную роль в процессе глобализации играют информационно-коммуникационные технологии.

Поэтому попробуем определить, как можно их использовать для развития наших контактов, сохранения и укрепления национальных традиций в среде чувашей, проживающих в Казахстане. В узком смысле информационно-коммуникационные технологии – это компьютерные и интернет-технологии. В более широком к ним относятся печать, телевидение, радио, связь (телефон).

Очевидно, чувашки активно переселялись в Казахстан в советское время. К 1964 году в Казахскую ССР прибыло более 2 млн чел. (см. табл. 1). Основная часть приезжих была из РСФСР (69,3%), Украины (21,3%) и Белоруссии (4,3%). Наряду с чувашами в степные районы Казахстана прибывали русские, татары, немцы, мордва, армяне и представители других народов, внося свою лепту в усиление этнического многообразия в Казахстане. В результате налаживания сотрудничества в повседневной жизни и трудовой деятельности упрочились дружеские отношения между приезжим и коренным населением, происходило сближение народов, отличающихся по антропологическим характеристикам, принадлежности к разным языковым семьям и вероисповеданию, хозяйственно-культурному укладу жизни. Среди них в большей степени пенсионеры, которые проживают в частных домах, занимаются на своём приусадебном участке сельским хозяйством, различными ремеслами. Это та диаспорная группа чувашей, которая уже не планирует переезд на родину – в Чувашию.

Таблица 1

Численность чувашского населения в Республике Казахстан [1]

<i>Области</i>	<i>Численность</i>		
	<i>2010 г.</i>	<i>2014 г.</i>	<i>2016 г.</i>
Карагандинская	2377	1883	1781
Костанайская	1437	1012	970
Павлодарская	906	675	546
Северо-Казахстанская	1037	763	738
Актюбинская	345	252	241
<i>Итого:</i>	6101	4585	4276

В советские времена, или в период, когда интернет был недоступен, чувашки Казахстана приводили из Чувашии книги, газеты, аудио- и видеокассеты, сборники эстрадных песен. Переписывали друг у друга аудио- и видеозаписи. С появлением интернета получение различной информации о событиях в республике, родственниках стало доступным. Появились новые возможности, но в связи с тем, что основная часть чувашей Казахстана пожилые, эти возможности не используются в полной мере.

Новости, происходящие в кругу знакомых, узнают из соцсетей. У многих в доме имеются видекамеры, что помогает довольно часто общаться по скайпу на родном языке, видеть друг друга и радоваться общению. С наличием интернета нет необходимости покупать кассеты и диски, поскольку в любое время можно найти понравившийся клип, послушать песни в исполнении любимого певца.

В ходе этнографической экспедиции, проведенной мной в 2015 г. выявлено, что взаимодействие чувашей, проживающих в Казахстане с республикой, осуществляется по двум каналам: по родственной линии и по линии двух общественных организаций: ЧНК и культурной автономии чувашей Казахстана.

Несмотря на активную работу культурной автономии чувашей Казахстана по сплочению диаспоры, обучению чувашскому языку и поддержанию связей с ЧНК, информационные технологии используются не системно и редко. Нет онлайн-сообщества (группы) в какой-либо социальной сети, которая бы объединяла чувашей Казахстана.

В целях укрепления контактов и развития этнокультурных традиций возможно сделать следующее:

- перевести материалы, содержащие информацию о национальной культуре, в электронный вид – оцифровать и сделать их доступными и удобными в использовании;

- использовать технологии, позволяющие выстраивать постоянную и оперативную коммуникацию между чувашами, проживающими в Казахстане, в Чувашии и в других регионах (различные мобильные приложения – ватсапп, вайбер, телеграмм, социальные сети, скайп и т. д.) Можно в них создавать различные сообщества;

- перевод печатных СМИ Чувашии в электронный формат и обеспечение доступа к ним для чувашей, проживающих в Казахстане. Культурное общество чувашей может делать новостные рассылки;

- обеспечение просмотра чувашских телеканалов через спутниковую связь (здесь есть явное достижение – с 7 марта 2017 г. Национальную телерадиокомпанию Чувашии можно смотреть через спутник в любой точке земного шара). Сейчас нужна активная информационно-разъяснительная работа среди чувашей Казахстана;

- проведение онлайн-мероприятий с национально-культурными, деловыми и иными сообществами, находящимися в двух странах, в том числе реализация образовательных и культурно-просветительских проектов;

- создание сайтов, международных информационных агентств в сети интернет для продвижения интересов Чувашии и пропаганды чувашской национальной культуры;

– обучить пожилых и иные категории чувашей Казахстана пользоваться интернетом и различными мобильными приложениями.

Аналогичным способом можно укреплять связи и с чувашами, проживающими в других странах. С одной стороны, глобализация несёт риск утери национальной культуры, с другой стороны предоставляет возможность использовать новые формы и методы их сохранения и развития. Развитие информационно-коммуникационных технологий помогают чувашам, проживающим в диаспорах поддерживать отношения, обмениваться информацией, сохранять свою идентичность, язык.

Таким образом, при наличии чётко продуманной стратегии глобализация позволяет активно продвигать интересы этнической родины – национального региона и сохранять суверенитет.

Список литературы

1. Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afzLoop=62277532533969#%40%3F_afzLoop%3D62277532533969%26_adf.ctrl-state%3D6r2j9h6xu_58 - (дата обращения: 04.03.2015).

Калшабаева Бибизия Кенжебековна

д-р. ист. наук, профессор
Казахский национальный университет
им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

V.K. Kalshabaeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Аннотация: в статье рассматриваются исторические и этнодемографические аспекты казахской диаспоры Средней Азии, ее численность и расселение.

Ключевые слова: диаспора, казахи, миграции.

**HISTORICAL AND ETHNO-DEMOGRAPHIC
ASPECTS OF THE KAZAKH DIASPORA
OF CENTRAL ASIA**

Abstract: in article the historical and ethno-demographic aspects of the Kazakh Diaspora of Central Asia, its population and resettlement.

Key words: diaspora, Kazakhs, and migration.

Удельный вес этнических казахов, проживающих за пределами Республики Казахстан, составляет почти треть численности населения сегодняшнего Казахстана.

В настоящее время зарубежные казахи проживают в более 40 странах мира, причём подавляющее их большинство – в соседних и сопредельных с Казахстаном государствах. В 80–90-е гг. XX в., согласно исследованию М. Татимова, численность казахов, проживающих за пределами исторической Родины, насчитывалась около 5,5 млн. [1, с. 23]. Г. Мендикулова в своей работе указывает: «В настоящее время за рубежами Казахстана около 4 млн. 500 тыс. казахов проживают в 14 государствах бывшего СССР и 25 странах мира, из которых лишь около 800 тыс. представляют собой диаспору, остальные 3 млн. 700 тыс. являются казахской ирредентой, т.е. проживают на сопредельных с Казахстаном землях, оторванных от него и присоединенных к России, Китаю, Узбекистану в разные исторические периоды» [2, с. 7]. К примеру, в Узбекистане накануне 2000 г. по официальным статистическим данным казахов насчитывалась – 990022, Туркменистане – 98000, Кыргызстане – 42657, в Таджикистане – около 2000 чел. [3, с. 4]. Казахи, проживающие за пределами Республики Казахстан, относятся к двум типам – диаспоре и ирреденте. Казахи, проживающие в Ташкентской, Сырдарьинской и Джизакской областях Узбекистана, и в некоторых сопредельных районах Кыргызстана и Туркменистана являются членами ирреденты. Возникновение столь значительной казахской диаспоры Узбекистана вызвано единством этногенетических корней, исторической близостью двух народов. Это подтверждается архивными данными и материалами исследователей XIX в. В трудах П. Пашино, М. Тынышпаева отмечено, что племена жалайр, дулат, канглы, которые являются преобладающей частью Старшего жуза казахов, проживали в Ташкентской области до формирования казахской государственности [4]. Присутствие казахов во внутренних районах Узбекистана объясняется также и тем, что некоторые территории современного Узбекистана в XVII–XVIII вв. входили в состав Казахского ханства, а Ташкент на протяжении почти ста лет являлся резиденцией казахских правителей (байдаров). Все эти исторические данные, бесспорно, подтверждают тот факт, что казахи, проживающие в сопредельных территориях Узбекистана, являются ирредентой, которая испокон веков проживала на территориях своих предков. Формирование казахской диаспоры на территории Узбекистана связано с различными историко-политическими событиями. Например, джунгарско-казахские войны XVII в., национально-освободительные восстания и войны казахов против царского самодержавия XVIII–XIX вв., национально-освободительные движения в Центральной Азии против царизма 1916 г., установление советской власти и гражданская война в Казахстане. В дальнейшем, с установлением Советской власти территориальное размежевание границ республик Средней Азии (1924–1928 гг.) проводилось без учета этнического состава

населения сопредельных территорий. Не без последствий была осуществлена политика геноцида по отношению к казахам в период коллективизации. В годы Великого бедствия 1932–1933 гг. число казахов, покинувших историческую Родину, достигло не одну сотню тысяч [5, с. 23].

С первых дней независимости Казахстан провозгласил и последовательно реализует ярко выраженную этническую миграционную политику по возвращению казахов. Репатриационная программа нацелена на решение задачи реализации демографической политики Республики Казахстан, составляющей важный вектор в стратегии национальной безопасности государства. В настоящее время точная численность казахов за пределами Казахстана неизвестна, поскольку данные официальной статистики государств пребывания этнических казахов не всегда объективно отражают этническую картину состава населения из-за политических и идеологических причин. При этом следует отметить, что значительная часть прибывших репатриантов является выходцами из Республики Узбекистан (61,3%). Так, по данным переписи 2009 г. в Казахстане проживало 288839 казахов, переселившихся из Узбекистана в период 1999–2009 гг., что составило 74% всех казахов, прибывших на постоянное место жительства из всех стран СНГ и 48% всех казахов, переселившихся в Казахстан из-за границы [6, с. 136]. По данным различных исследований причинами такого оттока являются следующие факторы: высокая безработица (50–60%) среди молодежи и женщин, снижение уровня жизни, переход к латинице и проблемы притеснения в сфере карьерного роста в различных социальных-значимых структурах общества.

В целом, комплекс проблем и вопросов, имеющих практическую значимость и применение является предметом и составной частью общего ландшафта истории казахской диаспоры за рубежом.

Список литературы

1. Тәтімов М. Халықнама немесе сан мен сана. – Алматы: Жазушы, 1992. – 180 с.
2. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006. – 343 с.
3. Қалшабаева Б.К. Орталық Азия казактары (тарихи-этнографиялық зерттеу). – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 406 с.
4. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. // Путевые заметки. – СПб., 1868. – 176 с.; Тынышпаев М. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда. – Кызыл-Орда, 1926. – 12 с.
5. Kalshabayeva B., Seisenbaeva A. Some Problems of Repatriation and Adaptation of Representatives of the Kazakh Diaspora of Central Asia in the Historic Homeland // Middle-East journal of Scientific Research 15 (1), 2013. – P. 20–26.
6. Байдаров Е.У. Социальная адаптация оралманов: проблемы и перспективы // Казахская диаспора Центральной Азии: История-культура-памятники. Матер. междунауч. конф. – Алматы, 2014.

Картаева Тамтигул Ерсайыновна

канд. ист. наук, профессор
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

T.E. Kartaeva

al-Farabi Kazakh National University, Almaty

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО БЕТАШАРА У КАЗАХОВ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности обряда покрывания невесты и открытия лица, являющийся главной частью церемонии во время свадьбы.

Ключевые слова: свадьба, покрывало, выкуп.

REGIONAL FEATURES OF THE WEDDING BETASHAR FOR KAZAKHS

Abstract: the article discusses the features of the ritual of covering brides and open person, which is the main part of the ceremony during the wedding.

Keywords: wedding, veil, the ransom.

Беташар – открывание лица невесты, главная часть церемонии бракосочетания во время свадьбы. Беташар – традиция всех регионов казахской земли, передающаяся из поколения в поколение. Для проведения данного обряда специально подбирается красноречивый, веселый, хорошо разбирающийся в беташаре, пользующийся в народе уважением, певец с хорошей репутацией. Его называют – беташаршы. В Кармакшинском регионе Кзылординской области (нижнее течение р. Сырдарья), где хорошо развита школа жырау (сказителей), в том числе традиция горлового пения, широко практикуется приглашение на беташар известных в народе жырау, жыршы.

Время проведения беташара. В традиционном казахском обществе, приблизившись к своему аулу, жених опережал свадебный поезд, чтобы предупредить о приезде молодой невестки – келін (келіншек). За 3–4 версты на встречу выходили девушки аула для сопровождения шестивия молодой невесты. Девушки снимали её с лошади и вели пешком. Им невестка дарила кольца, ожерелья. Невестку не показывали родителям жениха. Женщины помогали невесте совершить обряд «отқа май құю» – подбрасывание курдучного масла в огонь в честь предков [1, с. 4–5; 2, 194; 3, с. 77]. В целях скорейшего привыкания невестки к новой обстановке, её

вместе с аульными девушками или, если есть с сестренками мужа (қайын сіңілі), сажали за ширмой – шымылдык (полог сшитой из ткани яркого цвета). В южных регионах шымылдык сажали на три дня. Обряд «беташар» проводится днем на третий день. Посла беташара свекр устраивал скачки «көкпар» [3, с. 77–78]. В центральном и северном регионах обряд беташар совершили сразу перед юртой свекра [2, с. 195]. От сглаза на шымылдык накладывали филины перья «үкі». Обряды сажание за шымылдык и беташар до сих пор сохранились в некоторых традиционных аулах нижнего течения Сырдарьи (Жалагаш, Теренозек, Шиели, Жанакурган).

Атрибуты беташара. В казахском народе невестку на обряд беташар приводили с накрытым большим платком «жаулыком». В древности свекровка старалась для церемонии беташара сохранить большой шелковый платок «лэтте». Имеются региональные особенности беташара, они отличаются методом привода невесты и способом держать накрытый на её голову «жаулык».

В восточной и юго-восточной части Казахстана во время беташара под ноги невестки стелили шкуру белого барана или белой козы. Это связано с пожеланием, чтобы у нее был покладистый нрав и много детей [5, с. 29–30].

В Аральском, Казалинском и Кармакшинском районах, расположенных вдоль нижнего течения реки Сырдарьи, голову невестки накрывали белым шелковым платком, прикрепляли к нему красную ткань длиной около 2-х метров. Второй конец ткани прикрепляли к рукоятке плети. Все это держал в руке помощник жырау, совершающий обряд. В устьях Теренозек, Караозек реки Сырдария к жаулыку, накрытому на голову невестки, прикрепляли белую материю длиной 1,5–2 метра, затем все это связывали камышом или прутот, или свежей веткой. К востоку от Кызылорды, в Шиели и Жанакоргане белую материю связывали со скалкой (скалкой для скатывания теста). В данном случае белая материя означала пожелание светлого пути, а красная материя предохраняла от сглаза. Скалка связана с поверьем быть хозяйственной, верной своему новому очагу, а присутствие свежей ветки от плодового дерева с магией плодородия (ПМА).

Камыш, скалку, прут держал молодой холостой парень или друг жениха. Прикрепленные к жаулыку беташара камыш, скалку, прут условно называют «таяк», что в переводе означает «древко». После окончания обряда все обрядовые предметы оставляют у парня со словами «и тебе желаем достичь того же». Скалку вручали невестке с пожеланием «отныне эта вещь твоего дома, ты являешься хозяйкой кухни». Если в беташаре присутствует старшая невестка, то жаулык, покрывавший ее, сохраняют для второй и последующих невест. Во время беташара невестку с двух сторон поддерживают две молодые невестки этого рода, с хорошей репутацией и

обязательно уже ставшие матерями. Эта миссия возлагается не на родную невестку семьи, а на близких к этой семье. Таким образом выражается уважение к родственникам. Им свекровка невестки дарит платок или материал к платью, а материалы соединяющие к платкам невесты дают родственникам, которые в будущем планируют приезд невестки.

На севере страны другие невестки не придерживают ее, а держат за два конца жаулыка и во время каждого приветствия остальные невестки приподнимают четыре конца жаулыка в знак солидарности. Невестка же в этот момент склоняет голову под жаулыками. Родственники, принявшие поклон, всем показывают подарки, которые дают певцу, совершившему обряд беташар [1, с. 3]. В настоящее время почти не сохранился обряд прикрепления второго конца ткани (которые прикреплены на «жаулык» невесты) на ружье [4].

Во время беташара невестку не поддерживают вдовы и не рожавшие женщины, иначе, по поверью, может случиться несчастье.

Смысловое значение беташара. Беташар знакомит невестку с обычаями, которые она должна запомнить, учит быть уважаемой в народе, строить доверительные отношения со свекром и свекровью, милосердной с родственниками, чтить порог и шанырак дома, не осквернять их, быть почтительной, обходительной и прозорливой, создавать сплоченную и хлебосольную семью, не погашать очаг предков и не прерывать преемственность поколений.

Избранный для беташара певец в песенной форме знакомит невесту с каждым из присутствующих старших и младших родственников мужа. Знакомство начинается со свекра и продолжается свекровью, деверями, золовками, затем заканчивается посвящением присутствующим на беташаре обществу. Во время беташара после каждого поэтического приветствия друг жениха приподнимает древко, давая сигнал, после которого и невестка, и поддерживавшие её невестки склоняясь приветствуют собравшихся. После приветствия в свой адрес свекровь и невестки преподносят серебряное кольцо, платки.

Есть различия и в открывании платка для показа лица невестки после окончания беташара. На юге и западе платок открывает старейшая бабушка этой династии и целует её в лоб. В Семиречье, на востоке, юго-востоке и на севере после исполнения беташара, парень совершающий данный обряд плетью или грифом домбры осторожно снимает накрытый на невестку платок. Затем он получает көрімдік – награду за смотрины от родителей жениха и других его родственников. Свекровь невестки, а если таковой не имеется, другая женщина, имеющая на это право целует её в лоб и надевает на её палец кольцо, свекорь и свекровь пространно высказывают свое благословение. После беташара все собираются на чаепитие –

«желін шэй», где чай разливает невестка. Невестке за первый чай дарят подарки.

Казахское сказание беташар преследует две цели. Один из них гласит так: аулчанам джигита, которые жаждут его женитьбы и увидят лицо невестки говорят, «вот она – ваша невестка, смотрите на её лучезарное лицо, давайте свой коримдик за смотрины, лелейте и берегите ее, теперь она человек вашего аула». Ещё одной целью беташара является нравоучение посредством острого юмора, а также знакомство невестки с новым семейством, привыкание невестки к новой обстановке. Подытоживая сказанное, обряд «беташар» и сказание «беташар» считается передовой культурой казахских обычаев, особенно такого, как женитьба сына. Это исключительно торжественное и очень красочное представление.

Список литературы

1. Алтынсарин Ы. Очерки обычаев при сватовстве и свадеб у киргизов Оренбургского ведомства // Машинописная рукопись. Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки. – Оренбург, 1870. – 15 л.
2. Аргынбаев Х. Қазақ отбасы. – Алматы: Қайнар, 1996. – 288 с.
3. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1. – Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1889. – 205 с.
4. Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. – 1878. – №9. – С. 22–66.
5. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX вв.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. 214 с.
6. ПМА – полевые материалы автора.

Петров Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент

Семенова Татьяна Витальевна

канд. ист. наук

старший научный сотрудник

научно-исследовательского отдела

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

N. Petrov, T. Semenova

Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАЗДНИКА «АКАТУЙ» В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: в статье на примере чувашского праздника Ака-туя, посвященного окончанию весенне-полевых работ, рассматривается роль национального праздника в сохранении этнокультурных традиций в условиях глобализации. В основу исследования

легли архивные материалы, опубликованные работы учёных и интернет-источники.

Ключевые слова: национальный праздник, традиции, чуваши, культура.

THE ROLE OF THE NATIONAL HOLIDAY «AKATUY» IN THE PRESERVATION OF ETHNO-CULTURAL TRADITIONS IN THE GLOBALIZATION CONTEXT

Abstract: *the article considers the role of the national holiday «Akatury» in the preservation of ethno-cultural traditions in the globalization context, on the example of the Chuvash holiday celebration, dedicated to the end of spring field works. The research was based on archival materials, published works of scientists and Internet sources.*

Keywords: *national holiday, traditions, Chuvash, culture.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Акатуй – один из самых важных национальных праздников чувашского народа, посвященный окончанию весенне-полевых работ. Концепт Акатуй сейчас известен чувашам повсеместно, хотя раньше низовые чуваша этот праздник называли сапан туйё или сапан (из татарского сабан «плуг»), а верховые – сухати (суха «пахота» + туйё «праздник, свадьба»).

О чётком времени проведения Акатуя говорить не приходится: его отмечали после освобождения полей от снегов и подсыхания земли для яровых, т.е. перед севом. В нем содержится несколько обрядовых элементов, ориентированных на повышение плодородия земли и будущий урожай. В таком значении Акатуй можно сравнить с аналогичными обрядами соседних народов, в частности, татар – Сабантуй, удмуртов – акаяшка [1, с. 46].

Чувашский календарь фиксирует два временных параметра для праздника Акатуй – до и после сева. Исконно его проводила каждая деревня по очереди. Праздник занимал одну неделю, затем сократился до одного дня – обходились одним выходным днём – средой (позже – пятницей) [2, с. 505]. В определенный день в избе накрывался богатый стол, а приготовившийся к празднику созывал родственников и соседей. На стол обязательно ставилось блюдо с караваем хлеба, кругом сыра и братина с пивом. После сбора всех приглашенных хозяин назначал руководителем одного знающего ритуал старца, который приступал к исполнению своих обязанностей. Каждый из присутствующих получал по ломтику съестного, приготовленного из зерна и из животных продуктов, и кружке пива. Как правило, это был кусочек хлеба с маслом или с сыром. После раздачи руководитель запевал гимн земледельческому труду

Алран кайми аки-сухи «Сев и пашня – вековечное дело наше», и все подхватывали эту старинную песню. Далее совершалось моление под руководством старца, обращение шло в сторону приоткрытых дверей. Раньше в деревне все дома строились с дверьми на восток. Традиция совершать свои молитвы, обращаясь в сторону восхода солнца, сохранялась чувашами вплоть до начала XX в.

Чуваши в молитвах просили у Турă и других божеств обильный урожай, приплод скота, здоровья и богатства родным и близким. После завершения молитвы каждый съедал и выпивал свою долю. Считалось, что обильное угощение способствовало такому же обильному урожаю хлебов. Ритуальная часть праздника завершалась каждой родственной группой на озимом поле. С собой брали каравай пшеничного хлеба, яйца, круг сыра, ячменные или пшеничные колобки, пироги, шарттан и пиво. Съестные припасы несли очень торжественно: перед собой на богато вышитом ритуальном полотенце сёлкё держали резную тарелку с хлебом и сыром, вышитым полотенцем покрывали резное ведерко с пивом.

Участники устраивались в поле в конце загона, повернувшись лицом на восток. Старший в роду читал молитву и угощал семейство божеств земли сёр йышĕ пивом и кусочками принесенных продуктов. Каждый из присутствующих вслед за старшим родичем отливал немного пива и разбрасывал крошки сыра и хлеба по озимому клину в честь духов земли [3, с. 194–195].

Вся деревня выходила на весеннюю пахоту после проведения ритуальной части праздника Акатуй. Целый ряд запретов, молитвословий, магических обрядов присутствовал в каждом значимом этапе весенних полевых работ. Особо отмечались такие этапы, как вывоз семян в поле, почин первой борозды, начало сева и его завершение.

Вслед за сакральными действиями приступали к праздничной части, основу которой составляли физические соревнования. Начинали готовиться за одну-две недели до начала торжества. Заключалось это в сборе вещей (подарков) для награждения победителей состязаний и игр, а также в подготовке лошадей и самих участников к соревнованиям. Общим был принцип сбора подарков, основную часть давали молодые женщины, вышедшие замуж после прошлогоднего Акатуа, а также взрослые девушки. Среди таких предметов чаще фигурируют вышитые платки, куски ситца, головные повязки сурпаны, полотенца и яйца. Кроме того, состоятельные мужчины могли дать вещи и более ценные, например, самовар, а также деньги, отчасти это делалось в целях саморекламы, так как сборщики принародно их славили. Собранные вещи до начала Акатуа хранили у надежного и уважаемого человека.

Существовали традиционные места устройства праздника – луг, поляна, ложбина, отличающиеся ровными, хорошо

просматриваемыми площадками, удобными для проведения состязаний, окруженные деревьями или кустарником. На спортивные состязания народ, особенно молодежь, шел в нарядной одежде. Выходило почти все население, и на лугу образовывалось внушительное собрание, что создавало праздничную атмосферу [1, с. 49].

Для проведения соревнований составлялось своеобразное жюри из почтенных и влиятельных стариков, которое признавалось не только жителями данной деревни, но и всей округой. Когда народа собиралось достаточно, начинались состязания: борьба, бег, скачки на конях и прыжки в длину. Каждый вид соревнования состоял из двух частей: сначала состязались дети, потом – парни и мужчины. Очень популярным видом соревнований на Акатуе является борьба на поясах кёрешү. Как и при других соревнованиях, борьбу начинали мальчики. Поединок длился до того момента, пока одного из борцов не признавали побежденным. Каждый победивший подряд троих объявлялся победителем и становился претендентом на звание сильнейшего борца. Затем продолжались состязания среди победителей по борьбе, которые становились кульминационным моментом состязаний. Единоличному лидеру присваивали самое высшее звание паттър «богатырь». За это он получал самый ценный подарок, как правило, живого барана. Паттёрами гордилась вся деревня, сами же они не ограничивались выступлениями только в своих деревнях, а часто состязались на праздниках и в соседних деревнях.

Праздник Акатуй украшали разнообразные соревнования развлекательно-комического типа: разбивание горшка, бег на трех ногах, бег в мешке, молодушка с коромыслом. Такие игры, как бой с мешками на бревне, поднятие гирь, перетягивания, показывали силу и ловкость участников. Победители этих развлекательных игр, как и победители других состязаний, награждались каким-нибудь подарком, но меньшего достоинства [4, с. 89].

Ядром участников становились жители той деревни, рядом с которой проводился Акатуй. Однако за сутки о предстоящем празднике извещали ближайшие деревни. Поляна наполнялась людьми, одетыми в яркие цвета. Съезжались борцы, бегуны, прыгуны с желанием завоевать платки от невест и молодых женщин. Родители старались не оставлять своих взрослых дочерей и сыновей дома, чтобы подобрать для них подходящую пару. Старики ехали к своим родственникам попить пива. Соседние деревни, как правило, старались проводить Акатуй в разное время, чтобы молодежь и взрослые могли погулять на нескольких праздниках как в своей, так и соседних деревнях. Считалось привычным посещение праздника татарами и русскими [5, с. 84].

Последние традиционные Акатуи относятся к концу XIX в., и в памяти современников сохранились лишь воспоминания о

соревновании, встречающемся сегодня в модернизированной форме в весенних спортивно-художественных выступлениях.

В современной России праздничная культура переживает бурные трансформации: одни праздники уходят из активного бытования, другие меняют свой смысл и формы празднования, третьи возникают и начинают пользоваться популярностью.

Процессы глобализации могут привести к утрате этнокультурных традиций, чтобы этого не произошло, национальные праздники должны адаптироваться к современным условиям [8, с. 167]. Через праздники народ сохраняет свою культурную самобытность, и в национальных праздниках в полной мере проявляется их интегративная и консервативная функция. Например, в национальном празднике «Акатуй» появились новые элементы, такие как концерты профессиональных и самодеятельных художественных коллективов, соревнования по современным видам спорта, этнокультурные подворья, развездная торговля, но при этом сохранились такие традиционные элементы как борьба кёрешү, конные скачки. Праздник Акатуй проводится во всех муниципальных районах Чувашской Республики, график проведения ежегодно публикуется на официальном сайте Министерства сельского хозяйства Чувашской Республики.

Новый этап в развитии национального праздника «Акатуй» начинается в 90-х гг. XX века, когда, преодолев рамки сельских обществ, он становится общерегиональным праздником, который празднуют не только во всех районах Чувашской Республики, но и в местах компактного проживания чувашей за пределами административных границ Чувашской Республики. С 1992 г. он проводится в Тюменской области, с 1997 г. – в Самарской области, с 2002 г. – в Красноярском крае. Региональные праздники Акатуй регулярно проходят также в республиках Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Ульяновской, Оренбургской, Свердловской, Саратовской, Нижегородской областях. 4 июня 2011 г. в Ульяновске прошел первый Всероссийский Акатуй, собравший делегации с многих регионов РФ, а также стран ближнего зарубежья – Казахстана, Эстонии, Республики Беларусь. 24 июня 2013 г. в Чебоксарах состоялся первый Всечувашский Акатуй, посвященный 165-летию со дня рождения просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева. На празднование Всечувашского «Акатуя» в столицу Чувашии приехали творческие коллективы со всех районов республики, а также коллективы народного творчества из других субъектов Российской Федерации и представители чувашских объединений [1, с. 52]. В 2015 году на III Всечувашский Акатуй приехали гости из 12 регионов России и Ближнего Зарубежья. Нужно отметить, что этот праздник проходит очень красочно и весело. В 2014 г. центральное место занимали качели, на которых качались

парень с девушкой, в 2015 г. – импровизированные ворота, через которые проходил хоровод и столб Акагуя. После завершения торжественной части представители участников от районов и регионов завязали на столб ленточки цвета национального флага Чувашской Республики. 10 июля 2016 года в Балаклавском районе города Севастополя в Республике Крым впервые состоялся традиционный национальный праздник «Всечувашский «Акагуй-2016», в котором приняли участие делегации из 16 регионов России и зарубежья. В торжественном открытии праздничной программы Всечувашского праздника «Акагуй – 2016» приняли участие профессиональные и самодеятельные коллективы Чувашской Республики и регионов Российской Федерации. В рамках праздничной программы Всечувашского Акагуя коллектив Чувашского государственного театра юного зрителя им. М. Сеспеля показал отрывок из спектакля «Кёмёл тумлә çар» («Серебряное войско»); ведущие артисты выступили в роли исторических персонажей: И.Я. Яковлева, Атиллы и Алмуша; прошёл дефиле чувашских костюмов от древности до современности; состоялись спортивные состязания; фолк-дискотека; молодежный форум «Çеçпёл кăвайчĕ». Для гостей и жителей Крыма развернулась выставка изделий мастеров декоративно-прикладного искусства и традиционных чувашских подворий [6].

Замечательной традицией стало проведение городского детского Фестиваля-конкурса «Ача-пăча Акагуйĕ». Впервые он состоялся 20 июня 2014 г. в рамках празднования Дня республики в Чебоксарах с целью приобщения подрастающего поколения к традициям, обычаям и культуре чувашского народа. В 2015 году во II Городском фестивале-конкурсе «Ача-пăча Акагуйĕ» приняло участие около 700 детей из 18 пришкольных лагерей города, а в 2016 году в III Городском фестивале-конкурсе уже более 800 детей из 23 пришкольных оздоровительных лагерей Московского, Калининского и Ленинского районов города участвовали в конкурсах, состязаниях и народных играх. В 2016 г. конкурс проходил под девизом: «Народные традиции - детям!». Праздник начался с торжественного построения участников, большого хоровода – символа дружбы и единства чувашского народа. Для участников и гостей были организованы развлечения, мастер-классы по хореографии, по плетению и изготовлению национальных сувениров, выставки национального творчества, фотозона «Чувашский дворик». На площадках проводились чувашские игры: «Икс», «Колечко», «Хищник», «В лычки», «Петушинные бои». Участники состязались в конкурсах: «Лучшее исполнение чувашской песни и танца», «Батыр города Чебоксары» и конкурсе рисунков на тему «Славим человека труда». Всем победителям в конкурсах торжественно вручили памятные кубки, дипломы, благодарности и призы. Фестиваль-конкурс с каждым годом расширяет свои границы и виды творческих

площадок. В 2015 г. украшением праздника можно назвать две выставки: «Театр деревенского обряда» и «Национальные головные уборы и украшения», а в 2016 г. изюминкой праздника стало исполнение сводным детским хором финальной песни «Илемле». В планах организаторов привлечь к участию в Фестивале-конкурсе «Ача-пача Акатуйё», в рамках празднования 550-летия г. Чебоксары, ребят не только со всей Чувашской Республики, но и с соседних регионов [7].

Общественные объединения чувашей в регионах рассматривают Акатуй в качестве эффективного способа сплочения чувашской общественности, приобщения молодежи к национальным корням, укрепления этнического самосознания народа.

Акатуй во всех регионах их проведения рассматриваются как важнейшие общественные мероприятия, направленные на сохранение и популяризацию национальной культуры и формирование устойчивых добрососедских отношений в поликультурном обществе. В связи с этим данные праздники включены в программы региональных министерств и ведомств и имеют стабильное финансирование.

Список литературы

1. Семенова Т.В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. СПб., 2015.
2. Ашмарин Н.И. Этнография, фольклор (в том числе татарские тексты) // Научный архив ЧГИГН. – Т. 29. – 1897–1922.
3. Культура Чувашского края. – Чебоксары, 1994. – Ч. I.
4. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. – СПб., 2010.
5. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань, 1928. Вып. I.
6. В Крыму прошел всечувашский «Акатуй-2016» // Чебоксары онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cheboksary.ru/culture/64513_v_krymu_proshel_vsechuvashskij_akatuj-2016.htm (дата обращения: 19.09.2016).
7. Более 800 детей собрал в Чебоксарах Фестиваль-конкурс «Ача-пача Акатуйе-2016» // Чебоксары онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cheboksary.ru/education/63897_bolee_800_detej_sobral_v_cheboksarah_festiv_al-konkurs_acha-pacha_akatuje-2016.htm (дата обращения: 19.09.2016).
8. Васильев В.А. Чувашаи современной Белоруссии: культурологические заметки // Чувашаи: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 268 с.

Сойкина Наталья Юрьевна

канд. ист. наук, доцент
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

N.Yu. Soikina

al-Farabi Kazakh National University, Almaty

ЭКОМУЗЕЙ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Аннотация: в статье рассматривается роль экомuzeя в сохранении и репрезентации местного историко-культурного и природного наследия.

Ключевые слова: экомuzeй, «живая экспозиция», музеификация, традиция.

ECOMUSEUM AS WAY OF PRESERVATION OF NATURAL AND CULTURAL ENVIRONMENT

Abstract: in the article the role of the ecomuseum in preservation and representation of local historical and cultural and natural heritage is considered.

Keywords: ecomuseum, «live exposition», museumification, tradition.

Происходящие в современном мире и вызванные процессами глобализации изменения в системах традиционных культурных ценностей в значительной степени влияют на все стороны нашей жизни. Сегодня стираются границы между государствами, регионами, материальной и духовной культурой различных народов. Некая усредненная «массовая культура», о которой писал ещё Х. Ортега-и-Гассет, вышла на передовые позиции, формируя общие представления о нормах поведения, добре и зле, красоте и безобразии. С каждым годом уменьшается число людей, которые носят свою этническую одежду, живут в традиционных жилищах, помнят народные обычаи, и, даже говорят на своем языке.

Музей в качестве важного социокультурного института также был втянут в процессы такой трансформации, причем не только в качестве учреждения, которое может научить толерантности и уважению к чужой культуре, но и в качестве центра сохранения аутентичных, уникальных обычаев местного сообщества. Этнографические музеи сегодня не только демонстрируют традиционную культуру, в их стенах осуществляются попытки её сохранения, популяризации, воссоздания, а в некоторых случаях – даже возрождения.

С точки зрения культурной антропологии и этнопсихологии, этнопроекты должны опираться на духовные (или околодуковные) ценности, побуждающие человека развивать свою психическую, творческую активность [2, с. 12].

Особую отчётливо это проявилось в экомузеях, появившихся в конце XX века, на волне движения «новая музеология», идеологи которого ратовали за изменение привычных взглядов на роль музея в обществе.

По меткому выражению В. Дукельского: «экомузеи – это попытка вхождения в капиталистический рынок территорий и поселений с традиционными занятиями населения, неэффективными и коммерчески невыгодными в современных условиях, но обладающими культурной ценностью» [1, с. 8].

Экомузеи были призваны стать уникальным видом музеев, предназначенным для сохранения, восстановления, изучения и демонстрации целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия; материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической, культурной и природной среде.

Экомузей помогает создать условия для сохранения национальной самобытности местного населения, делает попытку возрождения угасающих жизненных ценностей и культурных традиций местного сообщества. Воспроизведение традиций постепенно становится потребностью населения, обеспечивая их преемственность между поколениями.

Кроме недвижимых объектов, подвергшихся музефикации (жилище, хозяйственные постройки, сооружения религиозного характера), элементами такого рода музея могут быть не только объекты историко-культурного и нематериального наследия, но и природная среда территории проживания, которая, бесспорно, оказывает значительное влияние на быт населяющего её народа, а сами местные жители являются «живыми экспонатами» и постоянными посетителями.

Особую роль в музеях играют так называемые «живые экспозиции», основу которых составляют памятники нематериальной культуры. Они характерны для этнографических музеев и обязательным их элементом являются люди-носители традиции или её имитаторы.

Один из вариантов подобной экспозиции – интерактивная, в которой объекты нематериального культурного наследия воспроизводятся при участии музейных посетителей [3, с.75], что позволяет сделать музейную аудиторию полноправным участником процесса музейной коммуникации.

Таким образом, в условиях, когда традиционная культура существенно трансформируется под воздействием внешних факторов,

создание экомuzeя может стать одним из способов её сохранения и популяризации.

Список литературы

1. Дукельский В. Нужны ли этнопроекты в музеях? // Музей. – 2009. – №3. – С. 6–9.
2. Карпова-Бородина Е. Что ищет человек в этнике? // Музей. – 2009. – №3. – С. 9–13.
3. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 431 с.

Кодыбайкин Сергей Николаевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

S. Kodybaikin

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

**РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.**

Аннотация: в статье рассматриваются условия и тенденции развития традиционных сельских промыслов как элемента чувашской национальной культуры в экономической ситуации рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: сельские промыслы, традиции, этнокультурные трансформации.

**DEVELOPMENT OF RURAL DOMESTIC CRAFT
OF THE CHUVASH VILLAGE IN THE CONDITIONS
OF THE ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATION
IN THE END XX – BEGINNING
OF THE XXI CENTURIES**

Abstract: the article deals the conditions and trends development rural domestic craft as an element of Chuvash national culture in the end XX – beginning of the XXI centuries.

Keywords: rural domestic craft, tradition, ethno-cultural transformation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Народные промыслы являются обязательным элементом материального производства любой национальной культуры. В

различных организационных формах они существовали на всех этапах её исторического развития. В начале XX в. промыслы в виде крестьянской промышленности приобрели наиболее значимый характер в экономике края. В 1920-е гг. степень развития крестьянской промышленности поставило её на второе по значимости место в экономике Чувашской автономии. Государство содействовало объединению кустарей в кооперативы. И в последующие годы сельские промыслы продолжали развитие. Вследствие модернизации советской экономики роль крестьянской промышленности к 1980-м гг. значительно снизилась, но они продолжали оставаться обязательной частью чувашской деревни. Несмотря на это промысловая деятельность крестьян Чувашии в советские годы изучена совершенно недостаточно. Можно отметить только работы О.Г. Вязовой [6].

Сегодня одной из особенностей населения Чувашской Республики является высокая доля сельского населения – более 40%. Подавляющее число сельских жителей относятся к чувашской национальности. Такая ситуация консервировала и продолжает сохранять многие традиционные элементы деревенского хозяйства чувашей, обязательным элементом которого являлись промыслы.

Таким образом, развитие промыслов чувашской деревни можно рассматривать одновременно и как элемент этнокультурных традиций, и, в то же время, как показатель того, насколько меняются эти традиции вследствие изменения социально-экономических факторов существования этноса. Рубеж XX–XXI вв. принёс новые моменты в развитии промыслов. Одним из важнейших из них можно считать масштабное распространение информатизационных технологий. Исходя из этого, актуальной является цель, поставленная в данной статье: через призму развития промыслов чувашской деревни рассмотреть каким образом изменились традиционные этнокультурные аспекты ремесленного производства жителей чувашского села.

Необходимо сразу сказать об особенностях современной классификации того, что историки и этнологи относят к традиционным промыслам. Сегодня чётко различают художественные промыслы, которые изначально предполагают художественный, в т.ч. этнический, характер произведения. Особо отличившийся специалист может получить официальное звание – «Мастер народных художественных промыслов Чувашской Республики». В то же время производством кустарной продукции занимается большое число селян Чувашии, чей продукт художественным изделием не считается. Приобретая временный или постоянный патент на соответствующую деятельность, такой селянин приобретает одновременно статус предпринимателя и занимается изготовлением, например,

валенков. Такой дуализм вызывает некоторые противоречия, как в подходах, так и оценках к изучению традиционных ремёсел.

Постсоветский период развития Чувашии можно разделить на два периода. Первый из них – 1990-е гг. – время глубокого системного кризиса экономики, связанный с упадком производства во всех основных секторах материального производства и снижением уровня жизни населения. Второй – 2000-е гг. Последний из них отмечен экономическим ростом, повышением благосостояния жизни людей и стабилизацией социально-экономической структуры Чувашии.

Как ни странно на первый взгляд, но тяжелые экономические условия чувашской деревни 1990-е гг. заставили обратиться её жителей к традиционным промыслам, как к средству улучшения своего материального положения. Такие промыслы были ориентированы на массового покупателя и должны были, прежде всего, удовлетворять насущные потребности россиян в условиях кризиса. О художественных промыслах в этот период говорилось мало.

Значительное развитие в конце XX в. получает валяльный промысел по изготовлению зимней обуви – валенок. Производство валенок в деревнях Чувашии отмечено на протяжении всего XX в. и переживало наивысший период развития в период 1920-е гг.; неплохо развивался промысел и в 1960-е гг. Сложно сказать, насколько в 1950–70-е гг. было развито валяние обуви, т.к. предпринимательство не приветствовалось, а, с другой стороны, селяне имели стабильный заработок в колхозах. Не велась и соответствующая статистика. Одно можно сказать с уверенностью: не только селяне, но и горожане часто заказывали валенки сельским мастерам. В 1990-е гг. с распадом колхозов и совхозов, с потерей работы, значительное число селян вспомнили ещё в детстве полученные навыки. Житель д. Таганы Цивильского района И.И. Иванов вспоминал: «А как в «Броневику» [совхоз] при Ельцине стали народ сокращать, мы полностью переключились на валенки. Правда, конкурентов много появилось. Все окрестные деревни начали валять – Чурачики, Вурумсют, Тиньговатово, Сюткасы, Поваркасы, Булдево...» [4]. В начале XXI вв. валяльный промысел получил широкое распространение. Наибольшего размаха он достиг в северных и, частично, в центральных районах Чувашии. Центром валяния здесь становится Цивильский район, где только в одном селе – Чурачиках, по словам одного из жителей, изготовлением валенок занимались не менее 500 чел.¹. Наиболее оборотистые промысловики торговали валенками в Москве, скупщики отправляли валенки на «Севера». Масштабы производства выросли настолько, что

¹ Беседа состоялась 05.02.2006 г.

Чувашия стала считаться центром по изготовлению валенок вручную [1].

По словам промысловиков, труд по изготовлению валенок довольно тяжёлый, требующий как навыков, так и много сил и времени. Интересно отметить этнический аспект промысла. На рубеже XIX–XX вв. на территории современной Чувашии валяльщиками были крестьяне разных национальностей: чувашаи, русские, татары и даже мордва (их в Чувашии проживает очень немного). На современном этапе валяльщики – почти исключительно чувашские крестьяне. Русская деревня фактически вымирает. Жители татарских деревень предпочитают заниматься более выгодным занятием – торговлей (преимущественно мясом). На наш взгляд, именно сохранение этнокультурных традиций чувашского народа, что возможно в условиях аграрного образа жизни, сделало возможным распространения промысла в значительных масштабах. Распространение в современной России моды на валенки, позволяют надеяться на то, что валяльный промысел будет развиваться и дальше.

Другим заметным на рубеже веков, хотя и в меньшем масштабе, промыслом стало лозоплетение. Ещё более традиционное, известное с древнейших времён многим народам, изготовление предметов посредством плетения прутьев, получило новую жизнь. Плетение разнообразных корзин для селян Чувашии в XX в. также было делом обычным. В крестьянском хозяйстве плетённая из лозы корзина – предмет многофункциональный и всегда нужный. Кстати, как и сто лет назад, лозоплетение в большей степени развито в северо-восточной части Чувашии (Козловский, Марпосадский, Чебоксарский районы). Приятный внешний вид, высокая функциональность и удобство делают корзины достаточно популярным товаром. Свою потребительскую нишу занимает плетёная мебель. Но её цена относительно высока и её востребованность зависит от покупательных способностей потребителя.

Следует отметить, что вышеозначенные промыслы, имеющие практический характер и нацеленные на массового потребителя, не несут на себе элементы этничности. Глобализация проявляется в модернизации: в т.ч. через отбрасывание не выгодных для продавца форм национальной культуры.

Причиной широкого распространения промыслов в северной части Республики является то, что в условиях зоны рискованного земледелия и разрушенной производственной структуры сельскохозяйственное производство не может обеспечить достаточный уровень жизни сельского населения. На юге Чувашии, где располагаются чернозёмы, промыслы имеют традиционно меньший масштаб.

В начале XXI в. Чувашия вместе со всей страной переживает экономический рост. Складываются благоприятные условия для развития художественных промыслов: повышается покупательная способность населения, появляются возможности стимулировать развитие промыслов со стороны государственных органов, наблюдается рост туристического потока.

Заметный масштаб приобретают мероприятия, направленные на развитие народных промыслов и ремёсел. В 2003 г. была создана общественная организация «Гильдия ремесленников Чувашской Республики», главной целью которой заявлено сохранение и прумножение традиций народных промыслов. С 2003 г. принимаются Республиканские программы по сохранению, развитию и возрождению народных художественных промыслов и ремёсел. Созданы школы молодого мастера, образовательные центры, а в клубных учреждениях действуют более 350 подразделений, в которых занимаются около 2000 чел. [5]. Большое внимание уделяется освещению промыслов в средствах массовой информации, издано ряд книг и альбомов. В 2016 г. представители 46 субъектов, в том числе Чувашии, учредили Общероссийское межотраслевое объединение работодателей «Союз народных художественных промыслов и ремёсел».

Как можно оценить развитие промыслов Чувашии на сегодняшний день? Какое место они занимают в современной чувашской культуре?

В каталоге-справочнике 2004 г. приводятся 12 организаций и предприятий разных форм хозяйствования и имена 110 мастеров, занятых в сфере художественных промыслов [2]. Согласно официальным данным, на 2010 г. насчитывалось 1630 чел., занимающихся изготовлением изделий народных художественных промыслов и ремёсел, а звание «Мастер народных художественных промыслов Чувашской Республики» имели 126 чел. [5]. На сайте «Народные художественные промыслы Чувашии» Торгово-промышленной палаты Чувашской Республики упоминаются 168 мастеров [3]². По численности среди мастеров лидируют специалисты по вышивке, качеству, шитью (в т.ч. бисером и монетами), изготовлению национальной одежды. На втором месте – мастера по обработке дерева. На третьем – те, кто специализируется на этноигрушках. Но в эти списки не входят сельские кустари, занимающиеся не художественным промыслом. Их относят к разряду предпринимателей.

Большую роль начинают приобретать производства, нацеленные на сувенирную продукцию: в основном это вышивка,

² К сожалению, уже много месяцев идёт реконструкция «Каталога ремесленников» и более точные данные по видам промыслов нам пока недоступны.

ткачество, резьба по дереву, этноигрушки, кузнечное дело и некоторые другие. Центром реализации данной продукции можно считать г. Чебоксары. Благодаря волжской навигации в летний период город посещают немало туристов и их поток продолжает расти. К сожалению, другие чувашские города на Волге не могут этим похвастаться: давно лишился пристани Мариинский Посад, а в 2017 г. и Козловка. Чувашские мастера ежегодно представляют свою продукцию на выставках и ярмарках в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Благодаря активной информационной политике эти изделия становятся более известными, повышая, таким образом, спрос на них. Относительно широкую известность получила чувашская вышивка. Высокая мобильность населения, присущая глобализации, также способствует развитию промыслов. Вместе с тем, обнаруживаются и проблемы. Мастера пытаются следовать моде, упрощают технологию изготовления, что ведёт либо не к этническому искусству, либо трансформируют его в кич. Национальные традиции искажаются. Конечно, было бы не правильно считать, что традиции могут оставаться неизменными, но и изменять их исключительно в целях коммерциализации не следует. В то же время, следуя тенденциям современной культуры, мастера осваивают новые методы и материалы. Появляются художественные промыслы и методы не совсем традиционные для чувашской культуры. К ним можно отнести ковроткачество, художественную обработку камня, частично художественную обработку металла, некоторые виды обработки кож, фитодизайн.

Одновременно, сохраняются промыслы, ориентированные на удовлетворение насущных потребностей населения: лозоплетение, валяние шерсти, кузнечное дело. Их развитие имеет свои особенности. Прежде всего, они тесным образом связаны с общим экономическим состоянием деревни. Кстати, не всегда повышение уровня благосостояния селян способствует ремесленной деятельности. Нами не раз были отмечены мнения, когда отцы, занимающиеся промыслом (при этом и неплохо зарабатывая по сельским меркам) не хотят, чтобы их дети продолжали их ремесло. По их мнению, дети должны получить высшее образование и более доходную и спокойную работу, чем тяжёлый труд сельского ремесленника. Изделия таких промыслов, с одной стороны, не несут на себе выраженных этнических элементов. В то же время, являясь частью сельской экономики, они способствуют сохранению элементов традиционной этнической культуры, а, вероятно, и традиционной ментальности. Отдельного разговора достойна тема строительных промыслов, принявшего форму отходничества и очень широко распространенная среди селян Чувашии.

Таким образом, создав общую картину состояния промыслов Чувашии к началу XXI в. можно прийти к следующим выводам.

Современные информационные технологии, доступность информации, а также доступность разнообразных инструментов и сырья предоставляют новые возможности для развития промыслов. «Удачным» фактором является река Волга – один из популярных туристических маршрутов России. Исходя из этого, производство сувенирной продукции на основе традиций народных промыслов имеют хорошие перспективы. «Защитить» национальные традиции в этой сфере может помочь деятельность соответствующих организаций (Гильдия ремесленников, Дома творчества и т. п.), которые имеют возможность различными способами влиять на качество продукции национального характера. Эффективным, но более сложным методом является повышение уровня знаний о чувашской культуре всех тех, кто занят в этой сфере производства.

Сложнее развивать промыслы, являющиеся частью сельской экономики. Не всякую продукцию традиционных ремёсел можно считать сегодня необходимой, но определённый ассортимент промысловых изделий останется востребованным. Только стабильное развитие чувашской деревни и всемерная помощь со стороны государственных структур, на наш взгляд, может помочь в сохранении этого сектора национальной культуры. Развитие промыслов, в том числе, как в форме индивидуальных предпринимателей, так и через организацию малых предприятий может стать одним из факторов поддержки чувашской деревни.

Наконец, нельзя не признать, что материальная культура чувашского народа не может быть не подвержена факторам изменений в сфере культуры со стороны глобальных процессов. Задача общественных организаций и творческих коллективов, соответствующих педагогических организаций и государственных структур выработать методы и средства, а возможно и политику в сфере культуры, помогающие предотвратить негативное влияние моды, массовой культуры, коммерциализации и пр. на развитие промыслов как элемента национальной культуры.

Список литературы

1. Бутузова Л. Чувашские кустари обули всю Россию // Московские новости. – 5 января. – 2003.
2. Трофимов А.А. Мастера народного искусства и художественных промыслов. Предприятия и мастерские, создающие произведения художественных промыслов. Каталог-справочник. – Чебоксары, 2004. – 124 с.
3. Народные художественные промыслы Чувашии. Сайт Торгово-промышленной палаты Чувашской Республики // www.remeslo.tppchr.ru
4. Соколов-Митрич Д. Валяют не дураки // Известия. – 24 ноября. – 2002.
5. О Республиканской целевой программе «Развитие предпринимательства в области народных художественных промыслов, ремёсел и производства сувенирной продукции в Чувашской Республике на 2010–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.docs.cntd.ru (дата обращения: 17.05.2017).
6. Вязова О.Г. Деятельность промысловой кооперации Чувашской АССР в области подготовки кадров в послевоенные годы: достижения и проблемы // Проблемы истории и образования народов России: Сб. ст. Всерос. науч.-прак. конф.,

посв. 180-летию со дня рожд. И.Н. Ульянова (28–29 октября 2011 года). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 17–26; Местная власть и кооперация Чувашии в годы нэпа // Новый исторический вестник. – 2009. – №1 (19). – С. 54–60.

Дмитриева Инга Валерьевна
заведующий археолого-этнографическим
музеем имени П.В. Денисова
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

I. V. Dmitrieva

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ СЕМЬЕ

Аннотация: в статье, подготовленной на основе полевых материалов, а также опубликованной литературы как зарубежных, так и российских исследователей рассмотрены ряд положений, касающиеся института отцовства среди чувашей на современном этапе.

Ключевые слова: родительство, отцовство, гендер, трансформация, традиционное общество.

THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FATHERHOOD IN MODERN CHUVASH FAMILY

Abstract: in article the main directions of transformation of consumer needs of villagers of Chuvashia for the second half of the 20th century are considered, the factors influencing this process are allocated.

Keywords: consumer cooperation, essentials, goods of long-term use and cultural and community appointment, wbz structure of a trade turnover.

Институт отцовства сегодня претерпевает существенные изменения, формируется новое отношение к семейной роли отца, которого не было в прошлом. Обращение к истории становления и развития отцовства в историко-культурном процессе показывает, что происходящие изменения – это результаты трансформации отцовства, которые происходили под влиянием социально-экономических, политических и культурных факторов. Изучение проблем отцовства в прошлом и настоящем позволяет анализировать

меняющиеся запросы общества, трансформацию социальной и духовной сфер культуры, социальной политики и демографии. Проблема родительства актуальна в условиях современного кризиса семейных ценностей, нового содержания социальных ролей матери и отца, эволюции материнских и отцовских практик [6].

В мировой науке исследования института родительства, отцовства – давно уже особые, самостоятельные направления. Проблему родительства в своих трудах затрагивали французский социолог Ф. Арьес и основатель американского института психологии Л. Демоз [2, с. 216–244, 367–388]. Первый утверждал, что средневековые люди не имели представление о детстве как об особенном периоде жизни человека, взрослые относились равнодушно к частой смертности детей, потому что на них смотрели как на маленьких взрослых. Ф. Арьес доказывал, что сущность детства связана не с биологическим состоянием незрелости, а с определенным социальным статусом, совокупностью доступных форм и видов деятельности. По мнению ученого, с развитием общества изменяется и отношение к детям. Детство, которое изменяется не только социально-исторически, но и культурно-исторически, т.е. конструируется взрослым [2, с. 216–244].

В России крупных этнографических исследований, посвящённых изучению отцовства в исторической ретроспективе, практически нет. Определенные сведения об отцовстве можно почерпнуть из работ, посвященных семье, женщине, детям. Анализ литературы показывает, что исследователи больше изучают и анализируют семью, супружеские взаимоотношения, социальное положение женщины, роль матери в семье и воспитании детей на разных этапах культурно-исторического развития [10; 11]. Немногочисленные специалисты в данной области трудятся пока автономно, практически не пересекаясь на междисциплинарных научных площадках, слабо привлекают новейшие методологические подходы и практики, не публикуются по данной тематике в международных индексируемых журналах. Историческое своеобразие отечественной модели материнства и отцовства почти не изучено в России. Известный этнолог И.С. Кон определял родительство как систему взаимосвязанных явлений: родительские чувства, привязанность к детям, специфические социальные роли и нормативные предписания культуры, обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания [5, с. 261]. Ведущие исследователи Н.Л. Пушкарева и В.В. Долгов уделяют большое внимание изучению женской истории. Они подвергли критике теорию об отсутствии эмоциональных чувств и безразличном отношении родителей к детям, отсутствие детства как особенного периода жизни ребёнка [9, с. 72-85, 93-106]. Систематизированное исследование мужского и женского в традиционной культуре представлено

в иллюстрированной энциклопедии «Мужики и бабы», подготовленной Российским этнографическим музеем. К сожалению, в капитальный труд не вошла статья об отце [7]. Многие учёные-этнографы проблему отцовства затрагивают в ходе изучения этнографии детства (Ч.В. Дзуцев, Т.З. Бесаева, Л.Т. Соловьёва, Ю.Г. Кустова, О.В. Егорова и др.) [4].

В целом необходимо отметить, что изучение вопросов отцовства в историко-культурном аспекте сопряжено с обращением к проблемам семьи, женщины, материнства и детства, воспитания и социализации детей.

В условиях традиционного патриархального устройства общества главенство мужчины в чувашской семье было обусловлено безоговорочным подчинением ему жены и детей. Традиционный нормативный канон отцовства подразумевал не столько физический уход и заботу о детях, сколько реализацию властных полномочий в семье и социуме.

В традиционном обществе XIX – начала XX вв. трудно переоценить влияние отца на социализацию мальчиков. Он должен был ввести сына в социум, дать необходимые жизненные установки и ценностные ориентиры. По мере вхождения сына в мужскую хозяйственную сферу влияние отца усиливалось. По чувашской традиции с 6-7 летнего возраста отец приучал сыновей к труду. Это было вызвано, во-первых, необходимостью передачи знаний и навыков хозяйственной жизни; во-вторых, дети являлись дополнительной рабочей силой в хозяйстве; в-третьих, способствовало гармоничному физическому развитию мальчиков. Воспитание и обучение происходило по принципу «делай, как я», часто не имея словесного выражения. Отношения в семье воспринимались как естественные и осваивались через простой механизм подражания. Наблюдая за работой отца, помогая ему, ребенок овладевал не только трудовыми, но и социальными навыками, например, уважительного отношения и почтения к старшим. В результате процесса передачи от отца к сыну необходимых знаний, умений, норм социального поведения, жизненного опыта последний постепенно становился помощником отца в хозяйственных делах и его преемником.

В чувашской семье мать поддерживала и утверждала авторитет отца, никто не пренебрегал отцовскими наказаниями, неповиновение воле отца расценивалось как преступление. По нормам обычного права чувашей, за непокорность и обиду, нанесенную отцу, виновный подвергался телесному наказанию. Изгнание из семьи или даже из общины непокорных сыновей находилось полностью в отцовской воле. Слово отца в семье являлось законом, члены семьи подчинялись его власти. В чувашской традиции отцу отводилось право определять жизнь детей, заботиться об их благополучии.

Отец решал вопрос об обучении сына, за отцом было последнее слово при выборе жениха или невесты для своих детей. Только отец мог разрешить женатому сыну отделиться от семьи и начать самостоятельно вести хозяйство.

Решающая роль мужчины в хозяйственной жизни обеспечивала ему власть не только в семье, но давала право голоса в обществе, где он отстаивал интересы своих семей. На сельских сходах обладали правом голоса только отцы, главы семей. Высокий социальный статус отца способствовал наделению мужчины такими качествами, как ответственность, справедливость, верность данному слову.

Таким образом, в условиях традиционного общества и патриархальной семьи институт отцовства занимал центральное место. В целом, традиции патриархального семейного уклада жизни, нравственные нормы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми сохранялись вплоть до середины XX века.

Реформы, проводимые в России, кардинально изменили институт брака, семьи, отцовства. Основным изменением в семейно-брачных отношениях первой половины XX века явилось установление равенства полов, их равнозначность в советском обществе. Патриархально-традиционный образ семейного уклада постепенно заменялся эгалитарным, при котором члены семьи равны и имеют одинаковые права и обязанности.

Трансформации в сфере гендерных отношений, происходившие в последние десятилетия, способствовали формированию новых образов отцовства. Анализ изменений института отцовства в Чувашской Республике, на базе исследований современной чувашской семьи в 2015–2017 гг., показывает, что мужское доминирование и главенство уступает место эгалитарным тенденциям в поведении. Особенно ярко это проявляется в сфере детско-родительских отношений. Современный отец становится более близким к ребенку, стремится проявить заботу, установить доверительные и дружеские отношения [8].

По мере того, как молодые матери в Чувашии включались в предпринимательство и новые высокодоходные отрасли, начинают меняться и нормы поведения отцов, повышается их внимание к детям. Молодые отцы участвуют в уходе за ребенком, несмотря на перегруженность на работе, достаточное количество времени проводят с детьми. Исследователи этнографии отцовства, отмечают, что для современных мужчин эмоционально-психологические аспекты отцовства значительно важнее, чем это было в прошлом [3]. Эмпирические исследования отцовских практик показывают, что степень вовлеченности отца в общение или игру с ребенком, мера доступности отца для ребёнка и мера его ответственности за воспитание и принятие соответствующих решений в последней трети XX века существенно выросли. Для молодых и более образованных отцов ЧР семья важнее работы, она

занимает центральное место в их жизни. Для современных горожан отцовство предполагает эмоциональную близость с детьми, их защиту и материальное обеспечение. На формирование передачу из поколения в поколение «стиля отцовства» по мнению И.С. Кона влияют следующие факторы: а) индивидуальный стиль отцовства сильно зависит от собственного прошлого опыта мужчины; б) данный опыт передается из поколения в поколение, от отца к сыну и дальше; в) ответственное отцовство чрезвычайно благотворно как для сыновей, так и для отцов. В передаче отцовского опыта присутствует как подражание (отец или дед как ролевые модели), так и критическая переработка отрицательного опыта (не повторять того, что тебе не нравилось в собственном отце) [5, с. 267].

Изменение роли отцовства, активная позиция отцов в отношении ухода за ребенком, его воспитания и образования, вероятно, стоит отнести к векторным изменениям в современной этнографии родительства. В традиционном чувашском обществе эмоциональный и физический (уход за ребенком) контакт отцов с малолетними детьми был минимальным. Хотя в нормах обычного права не существовал обычай избегания, ограничивающий контакты между отцом и детьми, тем не менее, их взаимоотношения были чрезвычайно сдержанными, суровыми, исключая проявления нежности. Традиционный этикет чувашей требовал, чтобы при посторонних людях отец почти не брал ребёнка на руки, не играл с ним, не проявлял к нему каких-либо тёплых чувств. В советской семье, как правило, отцы не осуществляли непосредственного ухода за новорожденными; активный контакт отца с ребенком обычно начинался, когда ребенку исполнялось 2–3 года, а иногда позже. Сегодня картина меняется. Как правило, уже на базовой ступени родительства – в дородовой период – беременность осмысливается как ответственность не только матери, но и отца, супружеской пары в целом. Появление неологизма «беременная пара» отражает эту тенденцию вкуче, с практикой, хотя ещё очень редкой для Чувашии, присутствия отца в родовом блоке.

Одним из новых направлений в этнографии отцовства является появление детоцентристской модели родительства. Родители чрезмерно опекают детей, особенно единственных, пытаясь оградить их от всех действительных и воображаемых опасностей. Хотя такое чувство кажется бескорыстным и даже жертвенным, оно отрицательно сказывается на ребенке. Чрезмерно опекаемый, заласканный ребенок сплошь и рядом вырастает пассивным, физически и морально слабым. Под детоцентризмом следует понимать усиление заботы о детях, ограничение их внутренней свободы, ведущей к принудительной инфантилизации. Современные нормы родительства противоречат чувашской традиции воспитания детей. При детоцентристской модели, родители безоговорочно подчиняют

собственные интересы интересам детей. Например, предметная среда дома детоцентричных родителей зачастую озадачивает отсутствием традиционных «взрослых» неприкосновенных зон – папиного кабинета, супружеской спальни и пр. [1].

В настоящее время всё большее число отцов вовлекаются в процесс ведения домашнего хозяйства, ориентируясь на равенство в распределении семейных обязанностей [8]. Одним из факторов данного процесса является частичный, а иногда и полный выход женщины из семьи, включенность её в социально-экономические отношения, стремление к самореализации во внешней сфере. В современном обществе в результате трансформации образа отца мужчина выполняет те функции, которые традиционно выполняли только женщины.

Таким образом, в процессе модернизации семьи существенно изменились статус и роль отца в семье и в обществе в целом. Переход от патриархальных семейных устоев к эгалитарным, отразился в равноправии семейных отношений. Ломка традиционного гендерного порядка привела к сближению мужских и женских ролей их статусных позиций в обществе и в семье.

Список литературы

1. Абрамова А.А. В светлых тонах: некоторые штрихи к портрету современного родительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/47302.php>
2. Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. Сб. ст. – М.: Прогресс, 1977. – С. 216–244; Demause L. The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly. – 1974. – №4. – Р. 367–388.
3. Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. – 1995. – №10.
4. Дзуцев Х.В., Бесаева Т. 3 Этнография детства у осетин. – Владикавказ, 1994. 112 с.; Соловьева Л.Т. Грузия. Этнография детства. – М.: Наука 1995. – 130 с.; Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. – 158 с.; Егорова О.В. Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. – Чебоксары: Новый мир, 2010. – 170 с.; Егорова О.В. Физическое развитие ребёнка и охрана здоровья детей в традиционной культуре чувашей Волго-Уралья. – Чебоксары: Новый мир, 2010. – 100 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука, 1988.
6. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kon/Articles.htm>
7. Мужики и бабы: Мужское и женское в традиционной русской культуре: иллюстр. энцикл. – СПб., 2005.
8. ПМА. Чувашская Республика, 2015–2016 (г. Чебоксары, г. Новочебоксарск, г. Шумерля, г. Ядрин).
9. Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. – 1996. – №6. – С. 93–106; Долгов В.В. Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв. // Этнографическое обозрение. – 2006. – №5. – С. 72–85.
10. Петров Н.А. Заключение брака в пореформенной чувашской деревне (1861–1900) // Региональные структуры системы образования: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всерос. науч.-прак. конф. – Чебоксары, 1999. – С. 84–87.

11. Петров Н.А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX вв. // Семья в России. – 2001. – №1. – М. – Чебоксары, 2001. – С.60–72.

Васильев Владимир Александрович

д-р культурологии, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

V.A. Vasilyev

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***Аннотация:** в статье анализируется роль и место Общественной Палаты Союзного государства в единении народов России и Беларуси, создании единой государственности в эпоху глобализации. Работа предоставит возможность глубже понять характерные тенденции этого процесса.*

***Ключевые слова:** Россия, Беларусь, государство, народ, Общественная Палата, культура, патриотизм.*

THE PUBLIC CHAMBER OF THE UNION STATE AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT OF UNITY OF THE PEOPLES IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION AND INFORMATION TECHNOLOGY

***Abstract:** the article analyzes the role and place of the Public Chamber of the Union state, the unity of the peoples of Russia and Belarus, the creation of a single state in the era of globalization. The work will provide a deeper understanding of the characteristic trends of this process.*

***Keywords:** Russia, Belarus, the state, the people, the Public Chamber, culture, and patriotism.*

История убедительно доказала необходимость создания на постсоветском пространстве Союзного государства Беларуси и России, которое стало важным инструментом интеграционных процессов не только в двустороннем формате. Ряд союзных

российско-белорусских проектов стали прообразами или даже образцами для развития практического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Однако необходимо отметить, что процесс укрепления единой государственности идет трудно. На этом пути приходится преодолевать множество объективных и субъективных трудностей. Противники нашего единения есть и внутри наших стран, и за рубежом.

В этих сложных и противоречивых обстоятельствах важным условием существования и развития Союзного государства должна стать Общественная Палата Союзного государства (ОПСГ). Она сформирована в ознаменование 20-летия Союзного государства в июле 2017 года и в своей деятельности опирается на преемственность предыдущих наработок Союзной общественной палаты, действовавшей в конце 1990-х – начале 2000-х в форме международного союза общественных объединений, и Общественных советов содействия Союзу Беларуси и России.

Общественная Палата, являясь одной из форм народной демократии, должна разработать и реализовать эффективные механизмы взаимодействия общества с государством. Жизненность Палаты будет определяться тем, сумеет ли она своевременно отвечать на актуальные и острые проблемы народов.

Здесь сосредоточены лучшие умы России и Беларуси – по сто человек с каждой стороны, известные ученые, деятели культуры, здравоохранения, образования, дипломаты, сенаторы, депутаты, государственные и православные деятели. Например, писатель, президент Международной ассоциации детских фондов А.А. Лиханов, президент Федерации космонавтики России, космонавт, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации В.В. Коваленок, сопредседатель Российского исторического общества, академик РАН А.О. Чубарьян, 3-кратный олимпийский чемпион по борьбе вольного стиля, многократный чемпион мира, Европы и СССР, Заслуженный мастер спорта СССР А.В. Медведь, писатель, главный редактор «Литературной газеты», член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству Ю.М. Поляков, Директор АНО «Институт проблем глобализации», доктор экономических наук М.Г. Делягин.

В состав Президиума нового органа вошли президент Союза медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата», доктор медицинских наук, профессор, номинант на Нобелевскую Премию мира 2007 Л.М. Рошаль, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, председатель Российского Союза ветеранов, генерал армии, доктор военных наук А.М. Моисеев, первый заместитель председателя Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального Собрания РФ Л.П. Кононова, депутаты Государственной Думы Р.Ф. П.И. Пимашков и Ю.Н. Мищеряков,

меценат и председатель Попечительского Совета благотворительного фонда «Шаг навстречу» Т.В. Глазунова и другие уважаемые деятели.

Широко представлена в ее составе и региональная составляющая: охвачены как все области Беларуси, так и все федеральные округа России. Автором данной статьи представлена и Чувашская Республика.

Члены Палаты, обладающие богатым опытом, компетенциями, высоким авторитетом призваны помочь в укреплении взаимопонимания и доверия, снятии разногласий и спорных вопросов по отдельным интеграционным моментам.

Широкий спектр мнений и авторитетных общественных сил, представленных здесь, означают, что дискуссии предстоят порой жаркие, но продуктивные и способствующие действительному сохранению и развитию 20-летних интеграционных достижений, действенной поддержке курса, заданного Президентами обеих стран.

Примером тому являются слушания в Общественной Палате по решениям МОК в отношении российской олимпийской сборной. Они прошли в бурных обсуждениях ситуации, вызванной беспрецедентными действиями МОК в отношении олимпийской сборной России.

Глобализация нацелена на слияние и унификацию всех сфер общества, государств, потерю национальных и государственных суверенитетов. В этой связи роль Общественной Палаты в сохранении и развитии Союзного государства неизмеримо возрастает. Беларусь и Россия едины в своей многовековой истории. В ней были разрозненные княжества, великая империя, победительный Советский Союз.

Усиливающаяся в мире глобальная напряженность убедительно доказывает, что нам не нужно стесняться нашей державности – единственно верного духовного и идейного фундамента бытия народов-братьев. Они едины в понимании могучего государства как гаранта национального бытия. В этом осознании – неиссякаемый источник естественного патриотизма граждан Беларуси и России. Тысячелетиями мы жили вместе и неизменно гордились Великой Родиной, и по первому зову становились на ее защиту. Нашим предкам не раз приходилось проливать кровь в священной борьбе за Отечество, вместе делили горечь сожженных дотла с людьми деревень Хатыни под Минском и Гавриловки на Смоленщине, и радость Победы 9 Мая. Союзное государство Беларуси и России призвано осуществить исполнение совместных национальных интересов в настоящем и будущем.

Бытие народов России и Беларуси исконно основывались на вековых традициях солидарности, справедливости и милосердия, делающих жизнь человека достойной. А это предполагает

конкретные социальные гарантии Союзного государства гражданам и их обеспечение не только за счет труда, но и за счет неисчерпаемых природных ресурсов. Особое внимание при этом необходимо уделять ветеранам, инвалидам, детям.

Важным направлением в многогранной деятельности Общественной Палаты в условиях открытого информационного пространства, бурного развития информационных технологий становится сфера культуры. В процессе культуры, как известно, происходит превращение дикаря в человека развитого, возвышенного. В этом созидательном, одухотворенном процессе велика роль деятелей культуры – писателей, поэтов, художников, кинематографистов, композиторов, драматургов, режиссеров, артистов. Однако сегодня мы наблюдаем разрушающий процесс декультурации – превращение человека в дикаря, что может привести к самоуничтожению страны. Осознавая всю трагичность современной ситуации с культурой, сопредседатель Общественной Палаты Союзного государства, народный артист России, президент Международного славянского форума искусств «Золотой Витязь» Н.П. Бурляев предложил создать «Кодекс деятелей культуры Союзного государства», устанавливающего морально-этические принципы и духовно-нравственную ответственность художника перед обществом и подрастающим поколением. Разработанный им проект «Кодекса» прошел всестороннее обсуждения на слушаниях ОПСГ, в средствах массовой информации России и Беларуси и в итоге он трансформировался в «Кодекс чести деятелей культуры Союзного государства». Отметим, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл одобрил актуальный документ.

Значимым проектом Общественной Палаты станет создание детского интернет-канала Союзного государства. Глубоко символично его название – «Доброслав-ТВ», славить Добро. На нем будет реализован первый знаковый проект, инициированный в апреле 2017 г. Деловым Клубом женщин Беларуси и России – «Дуэт Народов», одним из главных инициаторов которого и главой попечительского совета является Сопредседатель Палаты Т.В. Глазунова.

В рамках предварительного отбора по проекту, будут на конкурсной основе приниматься, рассматриваться и размещаться на новом союзном интернет-канале любительские (самодельные) музыкальные видеоклипы, записанные талантливыми детьми из разных регионов Беларуси и России, укрепляющие мир и сотрудничество между нашими странами.

Авторы клипов, прошедших предварительный отбор, получат возможность записать дуэты с ведущими звездами российской и белорусской эстрады. Эти клипы будут демонстрироваться как на собственном интернет-канале, так и на многих мероприятиях по линии Палаты в течение года, а также на праздничных

мероприятиях, посвященных Дню единения народов Беларуси и России в апреле 2018 года. А конкурсное жюри отберет из них лучшие, авторы которых получают ценные подарки и награды от Общественной Палаты Союзного государства, Делового Клуба женщин Беларуси и России, организаций-партнеров. Это один из тех искренних и добрых проектов, которые делаются от души, хорошими людьми, несут объединяющие наши народы ценности, а главное – поддерживают наше будущее в лице детей, которым предстоит сохранять и развивать построенное всеми нами в рамках Союзного государства.

История Общественной Палаты не насчитывает еще и года, но она была весьма насыщенной приоритетными проектами и конкретными делами. Однако работы предстоит много: сводятся предложения Общественной Палаты Союзного государства для представления Президенту Российской Федерации В.В. Путину и Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выстраивается эффективное рабочее взаимодействие с Парламентским Собранием Союза Беларуси и России и Постоянному Комитету Союзного государства.

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

M.I. Fedulov

The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЧУВАШЕЙ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация: изменения в погребальном обряде в советский период связаны с идеологическими установками государства, борьбой с религией и предрассудками. Сохранившиеся элементы обряда свидетельствуют о стойком бытовании традиций и их трансформации при смене поколений. В постсоветский период наблюдается некая свобода в проведении традиционной обрядности и восстановление её отдельных элементов.

Ключевые слова: могильники, погребальный обряд, поминки.

TRANSFORMATION OF THE CHUVASH TRADITIONAL FUNERAL RITES IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

***Abstract:** changes in the burial rite during the Soviet period associated with ideological attitudes of the state, the struggle against religion and superstition. The surviving elements of the rite indicate the persistent existence of traditions and their transformation in the change of generations. In the post-Soviet period there is some freedom in carrying out traditional rites and restoring its individual elements.*

***Key words:** cemeteries, funeral ceremony, funeral.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Реконструкция погребального обряда чувашей возможна при объединении материалов археологических раскопок и данных этнографии. Раскопками изучено свыше 1300 чувашских погребений, относимых к XV–XIX вв. Памятники II половины XIX в., а тем более XX в., не изучались в виду их «современности». Только исторические и этнографические источники могут пролить свет на изменения, происходившие в последние столетия.

Следует отметить, что обряды, связанные с уходом в загробный мир, имели чёткую регламентацию и строго соблюдались. Не допускалось сколь-нибудь значимых отклонений от установившихся веками традиций из-за страха навредить как живым, так и мёртвым. Допускались вариации проведения обрядов в этнографических группах чувашей (вирьял, анатри и анат-енчи) [1].

В погребальном обряде чувашей сочетаются традиции тюркоязычных и финно-угорских народов, зафиксированы следы влияния ислама, христианства при сохранении традиционных (чаще называемых языческих) верований. В целом обряд можно охарактеризовать незначительной глубиной могильных ям, труположением, наличием вещей (бытовые предметы, вооружение), украшений одежды, углей и костей лошади. Нередко встречаются столбы в изголовье (юпа).

Искоренение традиционной религии после насильственной христианизации нерусских народов Среднего Поволжья в XVIII вв. происходило очень медленно и в последующие столетия. Даже если покойника отпевали по христианской традиции, как этого требовали священнослужители, то хоронили его с соблюдением всех установившихся ранее норм. Это можно считать религиозным синкретизмом. Постепенно преобладали христианские традиции, в гроб не укладываются вещи, увеличивается глубина могильных ям до 2 м, исчезает пустое пространство в ногах или изголовье, т.е. размер яма был не намного длиннее самого гроба. Встречаются нательные крестики.

Трансформация погребального обряда происходит с наступлением советского периода. Ломка духовных ценностей произошла под влиянием материалистических идей и искоренения всех религиозных представлений. Однако остались «традиции предков», то «что было заведено в старину».

Страх перед загробным миром и стремление отделить его от мира живых до настоящего времени заставляет выбирать места расположения кладбищ за естественной преградой. Таковыми преградами служат реки, овраги или лес. Нередко они устраивались на мысах оврагов, как например кладбище у д. Б. Камаево Мариинско-Посадского района, или на пологих склонах оврагов (Калугинский могильник Красночетайский район) [4]. Ограда территории сейчас является обязательной, но старые захоронения таких могут не иметь. Кладбища располагались на некотором отдалении от киремети (места жертвоприношений, святилища) [2].

Намогильный столб (чув. юпа) прослеживается во многих погребениях средневековья. Чаще всего он фиксируется за пределами могилы и поэтому его легко определить по отдельной столбовой яме. В современных погребениях столб устанавливается не отдельно, а вместе с крестом, установленном в ногах. У чувашей Чебоксарского района в головах (в пределах самой могилы) устанавливается столб или жердь, возвышающиеся над могилой примерно на один метр (селения Тимой-Мамыши, Сархорн). Чаще всего столб был дубовый у мужчин и липовый у женщин, в современности этот принцип не соблюдается строго.

В устройстве самой могильной ямы сохраняется древний обычай устраивать уступы вдоль длинных сторон могилы. В нишу укладывался гроб и закрывался деревянным настилом («крыша»). Могила следует копать только вручную, даже при наличии экскаватора.

Во время пути следования на кладбище редко сохраняется традиция укладывания гроба на сани или телегу, что объясняется отсутствием в современных селениях лошадей и повозок. Сын покойного мужчины усаживается сверху на гроб и едет так до кладбища. Могила очищается огнём. Костер разводится на месте будущей ямы или внутри ее.

Многие традиции сохраняются и в поминальной обрядности. В праздник Троица принято посещение кладбища и поминание у могилы. Для этого необходимо присесть рядом с могилой или постелив покрывало на могильный холм сесть на него. Современные железные ограды имеют для входа внутрь калитку. Также устанавливают лавочки, и небольшие столики для пищи. В этот день обязательно надо обойти всех родственников, упокоенных на кладбище. Традиционно поминание сопровождается алкоголем.

После распада Советского Союза наблюдается возрождение традиций, запрещаемых в виду их связи с религиозными представлениями. Однако с уходом «старшего поколения» соблюдение таких традиций становится необязательным. Рост числа городского населения (урбанизация) ослабляет связь переселившихся в города с сельскими жителями, погребальный обряд стандартизируется и осуществляется специализированными организациями. Проведенный опрос сельского населения показал, что большинство из них против современного обряда кремации.

Список литературы

1. Егорова О.В. О восприятии жизни и смерти в чувашском обществе // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. Матер. межрег. науч.-прак. конф. – Чебоксары, 2012. – С. 91–94.
2. Дмитриева И.В. К вопросу о культе киреметь в дохристианской религии чувашей (по материалам В.К. Магницкого) // Вестник Чувашского университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 27–30.
3. Полевые материалы автора 2015 г.
4. Полевые материалы автора 2017 г.

Шалгинбаева Сауле Хамитовна

канд. ист. наук, доцент
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
г. Алматы

S.H. Shalginbaeva

al-Farabi Kazakh National University, Almaty

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ГОРОДСКИХ КАЗАХОВ В 90-х XX в.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы сохранения и знания казахских свадебных ритуалов среди городского населения

Ключевые слова: обряд, сватовство, традиция

WEDDING RITUALS OF URBAN KAZAKHS IN THE 90s OF THE XX CENTURY

Abstract: in the article questions of preservation and knowledge of the Kazakh wedding rituals among the urban population are considered.

Keywords: ritual, matchmaking, tradition.

Казахский свадебный ритуал, как и свадьба любого другого народа, складывался в течение многих столетий, сохраняя часть черт, которые проявлялись на различных этапах исторического развития общества.

На примере казахской свадьбы мы убеждаемся, что элементы свадебной обрядности продолжают бытовать с различной степенью интенсивности. Анализ материалов исследования казахских

семейных обычаев и обрядов свидетельствуют о том, что в начале XX вв. у казахов был сформирован единый цикл свадебных обрядов. Он состоял из следующих этапов: 1) выбор невесты; 2) сговор (в основном колыбельный); 3) сватовство (құда тусу), которое нередко состояло из нескольких посещений, договоренность о размере калыма, закрепление договора о браке, визит родственников невесты в аул жениха, добрачные посещения женихом невесты; 4) свадебный пир, который устраивала семья невесты (ұзату той), переезд невесты в аул жениха; 5) свадьба (үйлену той) [1].

Необходимо отметить, что каждый из этих этапов представлял собой целый комплекс обычаев и обрядов «и имел довольно четко очерченную функциональную направленность, представляя комплекс ритуальных действий, которые в соответствии с бытовавшими представлениями должны были обеспечить успех начатому делу и благополучию создающейся семье в будущем» [2, с. 88].

Сведения, относящиеся к началу XX вв., и рассмотрение собранных материалов в 90-х годах прошлого столетия свидетельствуют о том, что свадебная обрядность подверглась существенным изменениям. Основным результатом трансформации свадьбы к моменту исследования является сокращение ее по времени, совмещение этапов со сходными функциями, исчезновение и потеря различных элементов свадебной обрядности. Надо заметить, что процесс модификации в брачной обрядности начался еще в советский период при переходе на новый (социалистический) уклад жизни. Для этого периода, как отмечали в своих исследованиях Х.А. Аргынбаев и А.Б. Калышев, характерны два варианта бракосочетания: через официальное сватовство и путем «умыкания» невесты с ее согласия, которое по-прежнему существуют в современной свадебной обрядности [3].

Современный свадебный комплекс городских казахов распадается на ряд обрядовых циклов: 1) сватовство; 2) устройство свадьбы родителями невесты (кыз ұзату тойы) по желанию и материальным возможностям; 3) торжественная регистрация брака и религиозный обряд бракосочетания (неке қыю) по желанию молодых и их родителей; 4) основное торжество (үйлену тойы); 5) құда шақыру, киіт киғызу – встреча родителей и родственников невесты (после основного торжества) сначала в доме родителей жениха, позже у родителей невесты и обмен подарками; 6) визиты молодых к родителям невесты, а также к родственникам жениха и невесты, которые можно отнести к семейно-родственным отношениям.

У казахов исследуемых городов в 90-х г. XX в. в свадебной обрядности распространенными остаются сватовство и проведение свадебных торжеств. В большинстве случаев после официального сватовства, а иногда и во время него, стороны ведут переговоры о проведении свадьбы.

На основании проведенного этносоциологического исследования двух городов, данные которого подвергались компьютерной обработке и качественному анализу, сложилась определенная модель, позволяющая изучить степень знания, функционирования и отношения казахского городского населения к свадебным обычаям и обрядам.

В целом, надо отметить, что в 90-е года XX в. традиционная казахская свадьба широко известна среди городского населения несмотря на сокращенный вариант. По результатам этносоциологического опроса опрошенное казахское население в двух обследованных городах знало и придерживалось свадебных обычаев в 90-е года XX в. Более 90 % городских казахов в двух исследованных городах знали и соблюдали свадебные традиции, что позволяет говорить о высокой степени осведомленности городского населения. Не знали и не соблюдали свадебных обрядов всего лишь от 3% до 8% городского населения. Среди опрошенных из данной выборки по демографическому признаку «пол» женское население более информировано (90,7%), чем мужское население (93,5%). Основными хранителями традиционных свадебных обрядов в городах является старшее поколение. Пополняет эту группу женатое и замужнее молодое и среднее поколение в возрасте от 20 до 40 лет. Следует отметить, что связь знания и соблюдения свадебного комплекса тесно связано с возрастом, с семейным положением, т.е. когда сами молодые участвуют в процессе бракосочетания (проявляется преемственность), и этнической средой, когда достаточно широко вербально обсуждаются проблемы традиционного воспитания (по наблюдениям автора). Проанализированные взаимосвязи бытования свадьбы с образованием и социальным положением позволяют убедиться, что сегодня влияние этих признаков сказывается гораздо слабее в связи с тем, что, независимо от уровня образования и социального положения, каждый родитель считает обязательным по мере своих возможностей проведение свадьбы с соблюдением определенных элементов традиционной обрядности.

Список литературы

1. Кустанаев Х. Этнографические очерки Перовского и Казалинского уездов. – Ташкент, 1894; Диваев А.А. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области; Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана; Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке. – С. 145–278; Алтынсарин И.А. Очерки по этнографии. – С. 3–35; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. – С. 72–78; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей; Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. – С. 60–78.
2. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. – Казань: Казанский университет, 1981. – С. 88.
3. Арғынбаев Х.А. Қазақ отбасы: (қазақ отбасының кешегісі мен бүгінгісі жайындағы ғылыми зерттеу еңбек). – Алматы: Ғылым, 1973. – С. 270–296, 275; Кальшев А.Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья. Дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1989.

Научное издание

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Сборник материалов
онлайн-конференции
Чебоксары, 14 марта 2017 г.

Редактор *О.В. Егорова*
Компьютерная верстка и правка *С.Ю. Семенова*

Подписано в печать 21.12.2017 г.
Дата выхода издания в свет 26.12.2017 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 3,72. Заказ К-297. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru